

Маша Царевна

любовь и секс
в большом городе

симпатичная
МОСКВИЧКА
ЖЕЛАЕТ
ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Маша Царева
Симпатичная москвичка
желает познакомиться
Серия «Саша Кашеварова», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=302462
Симпатичная москвичка желает познакомиться: РИПОЛ классик; Москва; 2007
ISBN 978-5-7905-3367-9

Аннотация

Саша Кашеварова пытается делать карьеру, устраивать личную жизнь. Она знакомится по Интернету с голливудским красавцем, перевозит контрабанду, наносит татуировку и практически выходит замуж – и все это одновременно! Приключения неугомонной симпатичной москвички продолжаются!

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	15
ГЛАВА 3	26
ГЛАВА 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Мария Царева

Симпатичная москвичка желает познакомиться

ГЛАВА 1

– А вы уверены, что действительно желаете украсить свою... ммммм... ягодицу изображением ангелочка? – спросил меня тот тип, когда я вкратце изложила ему идею своего мгновенного преображения из усталой измученной работой женщины в девчонку сорви-голова.

Дело было в тату-салоне, куда я, движимая невинным любопытством, заглянула после напряженного рабочего дня. Нет, я не собиралась украшать себя угрожающими татуировками и стать похожей на спятившую от ежедневного потребления пива байкершу. Помилуйте, мне тридцать один год, я заместитель главного редактора газеты и выгляжу так, как и положено деловой, но склонной к затейливому кокетству москвичке. То есть кроссовкам предпочитаю шпильки, стрижке – тщательно уложенные кудри, а размеренной семейной жизни – нескончаемую вереницу головокружительных страстных романов.

Так что в заведение, где жаждущие независимости подростки украшают свои тела орнаментами и драконами, я попала по чистой случайности.

И сразу же была атакована не в меру активной администраторшей, на лице которой было столько колечек (в бровях, в носу, в губе и даже, кажется, в языке), что она могла бы нехило подзаработать, сдав свои серьги в металлолом.

– Добро пожаловать в салон татуировок «Красный дракон»! – улыбка у нее была щербатая, зато приветливая и дружелюбная, – наш салон лучший в городе. Вы сделали правильный выбор.

– Если честно, я просто погреться зашла, – застеснялась я. И это была чистая правда. Моя тончайшая шубейка из искусственной норки явно проигрывала в схватке с ядреным московским февралем. А машине, новоприобретенной «Шкоде-Фелиции» и душным пробкам я часто предпочитаю старый добрый метрополитен.

– Ничего страшного! – еще шире улыбнулась красавица, – вы погрейтесь, а я вам пока расскажу про наши услуги.

Сопротивляться ее гостеприимству было как-то неудобно, так что я позволила угостить себя кофе и потрясти передо мной каталогом с татуировками и прейскурантом.

– В наш салон ходят звезды! – выпучив глаза и разбрызгивая вокруг себя слюну, вещала энтузиастка модных веяний, – топ-модели! Актрисы! Кстати, вы похожи на актрису.

– Да? – с сомнением переспросила я, поправив челку, – ну может быть... Но на самом деле я журналистка.

– Ой, как здорово! Если вы про нас напишете, я устрою вам пятидесятипроцентную скидку!

– Спасибо большое, но если честно... Вы уж меня простите, но я вовсе не собиралась делать татуировку. Это как-то... неженственно. Наверное, я зря ваше время отняла.

– Во все нет. Многие сначала не хотят, но потом так загораются! Я же не говорю, что вы должны наколоть череп в половину спины. Вам бы пошло что-то нежное и стильное типа бабочки или ангелочка...

Не знаю, то ли у администраторши был талант к цыганскому гипнозу, то ли я в своем вполне зрелом возрасте осталась натурой инфантильной и легко увлекающейся... В общем,

кофе давно кончился, а я все листала и листала каталог и вскоре неожиданно поймала себя на мысли, что в целом идея с татуировкой больше не кажется мне такой уж шокирующей. Подумаешь, вот у меня есть подруга, Жанна, ей уже тридцать шесть, и ее спину гордо украшает кельтский орнамент. Выглядит это вовсе не вульгарно, а очень даже мило и сексуально.

А я как раз давно хотела встряхнуться. Может быть, виновата работа, может быть, зимняя депрессия, а может быть – хотя об этом даже подумать страшно – и мой возраст, да вот только в последнее время я отчего-то уже не чувствовала себя юной и готовой на любые подвиги. Я стала раньше ложиться спать, реже встречаться с подругами и уже не могла перечислить десять самых рейтинговых ночных клубов столицы, поскольку шуму и сигаретному смраду дискотек предпочитала домашние посиделки с вином и пиццей. И вроде бы я была своим образом жизни довольна, но иногда все же ловила себя на мысли, что было бы здорово вырваться из густого кокона лени и с головой окунуться в шальную бесшабашность молодости.

– Татуировка сделает вас свежее и моложе, – старалась моя искусительница, – у нас лучшие мастера в городе, новейшая аппаратура. Все стерильно. И как раз сегодня работает Егор, наша звезда. И у него «окно».

И вот, попавшись на довольно бесхитростный коммерческий трюк, я оказалась в кабинете татуировщика Егора, который больше смахивал не на служителя культа красоты, а на осужденного за групповое изнасилование с элементами садизма. Был он высок, мрачен, а телосложением напоминал шкаф, в котором я храню шубы и пальто. Его руки от кистей до плеч украшали татуировки тюремного фасона – обнаженные русалки, витиеватые надписи и купола церквей. Увидев такое чудо, исподлобья на меня смотрящее и тихим голосом изрекшее: «Заходите!», я попятилась и нервно сглотнула.

Но поздно – Егор уже надел белоснежный халат (который сделал его похожим на повара-убийцу).

– Что будем делать? Пупок прокалываем?

– Н-нет, – тоненько пискнула я, – я вот тут спонтанно решила татушку сделать... Но это еще не точно.

– А чего тут сомневаться? – хмыкнул он. – У меня как раз сегодня вдохновение. Могу предложить великолепные варианты.

Стараясь не смотреть на синие татуированные купола, я промямлила:

– Мне бы что-нибудь попроще... Цветочек какой-нибудь... Или веточку сакуры. Или даже ангелочка. Да, идея с ангелочком мне импонирует больше всего. Можно сделать его, например, на попе. Тогда его почти никто не увидит, а я буду знать, что он есть.

Вот тогда это чудовище в белом халате, странно хохотнув и молвило:

– А вы уверены, что действительно желаете украсить свою ягодицу ангелочком? Это для совсем молоденьких девчонок. Я бы предложил что-нибудь поспокойнее, ведь вам уже за тридцать!

Из салона я убежала так быстро, как будто бы за мной гналось целое стадо вооруженных окровавленными топорами серийных убийц.

* * *

Лучше уж я собственноручно выдавлю на чьей-нибудь отвратительной заднице огромный красный прыщ, чем еще раз по доброй воле позвоню своей приятельнице Жанне.

Вот уж кто умеет испортить настроение с непринужденным изяществом фокусника. Даже не знаю, зачем меня вообще угораздило набрать ее номер. Когда-то мы дружили довольно близко, но потом как-то незаметно отдалились друг от друга. Слишком уж мало у нас точек соприкосновения. Я пытаюсь делать карьеру, занимаясь журналистикой, а она

– убежденный адепт роскоши – опустошает кошельки своих любовников и мечтает, чтобы кто-нибудь из них навсегда взял ее под свое теплое крыло. Но никто не берет (и я их, честно говоря, понимаю, кому же нужна такая ветреная женушка, как Жанка), и вот она целыми днями только тем и занимается, что выискивает в толпе холеных мужиков следующую жертву. Жанка считает меня клушей и неудачницей. В последнее время она дружит только с такими же богатенькими кокетками, как и она сама.

Но иногда, по инерции, мы все-таки встречаемся, чтобы обменяться новостями.

То, что в поиске моральной поддержки я обратилась куда-то не туда, я поняла, как только услышала Жанкин голос – высокий, нервный и надменный. Меня она приветствовала так:

– А, это ты!

Хотя до этого мы не виделись почти полгода.

– Я, – потухшим голосом пришлось подтвердить мне. Просто бросить трубку я не могла, потому что знала, что у Жанны определитель номера.

– Я тебя не отвлекаю? – спросила я в смутной надежде на положительный ответ, который станет вежливой причиной для того, чтобы еще полгода с нею не общаться.

Но Жанна ответила:

– Нет, я как раз думаю, чем бы заняться. К косметологу что ли отправиться. Или навещать к своему тату-мастеру.

У меня подпрыгнуло сердце – надо же какое совпадение.

– А я тоже вчера была в тату-салоне! – оживилась я, – и вот там мне сказали, что...

И я вкратце поведала ей историю своего позорного выхода в свет, сдуру не умолчав и про самое сокровенное, то есть про то, что меня негласно записали почти в старухи. Шестым чувством я понимала, что не стоит давать Жанне такую пищу для моего морального унижения. С другой стороны, мне было пока неясно, каким же образом она сможет использовать этот факт против меня – ведь я на пять лет ее моложе, а у нее несколько татуировок и, судя по всему, останавливаться на них она не собирается.

– Вот урод, да? – такими словами я закончила свое печальное повествование, – надо было рассказать ему о тебе. У тебя столько татуировок и ничего.

– Сань, но вообще-то он прав... – вздохнув, мягко сказала Жанна.

Я насторожилась:

– В смысле?

– Я тоже считаю, что стареющее тело и татуировки – понятия несовместимые, – выдала она.

– Именно поэтому ты и сделала первую в тридцать три года, да? – фыркнула я.

– Саш, но я – это совсем другое дело.

– Это еще почему?

– Но я объективно не выгляжу на свой возраст. Потому что внешность – моя работа.

Я чуть не задохнулась от возмущения.

– Интересное кино! Спятила ты что ли? Да в наше время возраст вообще ничего не значит.

– Не значит, – промурлыкала она, – если ты выглядишь моложе. Как я.

– А я, по-твоему, выгляжу старше что ли?!

Ох, лучше бы я этого вообще не говорила. Тем более с вопросительной интонацией.

Естественно, Жанна не упустила шанс самоутвердиться:

– Ну, если ты хочешь, чтобы я сказала правду... Если честно, да.

– Я выгляжу старше тридцати??? – с телефонной трубкой в руке я помчалась к зеркалу. Рожка как рожка. Даже симпатичная.

Лично мне возрастные изменения не бросаются в глаза. По-моему, примерно так же я выглядела и в восемнадцать лет, разве что была немного тоньше, не красила волосы и не пользовалась корректором морщинок вокруг глаз. Но в целом... Хороша!

– Да не обижайся ты так, – хмыкнула Жанка, – не выглядишь ты старше тридцати. Ты выглядишь, как стандартная женщина твоего возраста, которая почти не уделяет внимания своей внешности.

– Как это почти не уделяет? – мой голос сорвался на меццо-сопрано, – да я... да я...

И замолчала. Потому что – ну что я? Ну хожу я на маникюр от случая к случаю, ну делаю эпиляцию, ну пью иногда обезжиренный кефир.

Но разве можно сравнить мои жалкие чаяния с той кропотливой ежедневной работой, которую проделывает та же Жанна?! Да она вкладывает в свою внешность всю жизненную энергию и, разумеется, получает солидные дивиденды.

– Я хожу на баночный массаж два раза в неделю, – Жанна самодовольно делилась секретами своей молодости и популярности, – знаешь, как это больно? То-то же. Потом уколы «Ботокса», дорожные крема, фитнес-клуб, бассейн, солярий...

– Слушай, Жан, совсем забыла, у меня тут дело одно есть...

– Наслушалась меня и к пластическому хирургу побежишь? – рассмеялась она, – не трать время. Этот процесс надо было начинать гораздо-гораздо раньше. Да ты не расстраивайся так. Каждому свое!

* * *

Наскоро распрощавшись с подлой Жанной, я позвонила другой подруге – той, которая никогда не станет заниматься энергетическим вампиризмом за счет моего хорошего настроения.

– Лера! – кричала я в телефонную трубку, – Лера, сейчас такое было! Такое!

– Да не ори ты, Кашеварова, – простонала моя лучшая подруга, – я тебя и так прекрасно слышу.

– Никак не могу к этому привыкнуть, ведь ты так далеко, – вздохнула я. – Лерка, я только что не сделала татуировку! Ангелочка на ягодице. Передумала в последний момент.

– М-да? – усмехнулась она, – в таком случае я только что не соблазнила Дэвида Бекхэма. Передумала в последний момент. Да и потом, сомневаюсь, что охранники пропустили бы меня в его раздевалку.

– Ты что, на футболе? – опешила я, – ты же ненавидишь спортивные матчи!

– В Англии это модно, – вздохнула Лерка, – и потом, я не одна. Меня пригласил мужчина, и у нас места в VIP-ложе.

– Что за мужчина? – оживилась я.

– Да так, ничего особенного. Коллега. Никаких мурашек по коже и звона в ушах. Но надо же мне здесь с кем-то встречаться. И потом, он без проблем проводит меня в самые модные клубы.

– Лерка, как мне тебя не хватает. Ну, когда же ты наконец вернешься?

– Как только закончится моя стажировка. Но если честно, Кашеварова, надеюсь, что никогда. Я еще не потеряла надежду, что в меня влюбится достопочтенный британец. Он мог бы научить меня игре в гольф и поселить в замке на горе.

– Ты в плену стереотипов, – хмыкнула я, – выйти замуж за иностранца, как же это безрадостно.

– Каждому свое, – философски заметила Лера, – так что у тебя с татуировкой? Ты часом не пьяна?

– К сожалению, нет, но собираюсь как можно скорее это исправить. Лерка, представляешь, этот хам, татуировщик, сказал, что не рекомендует делать мне ангелочка на ягодиче! Он сказал – это для совсем молоденьких девчонок, а вам, мол, за тридцать. Так и сказал!

– Какой ужас! – сочувственно воскликнула Лерка. – Кашеварова, да плюнь ты на него! Ты выглядишь максимум на... эээ... двадцать девять.

– Спасибо, утешила, – окончательно расстроилась я, – Лерка, это ужасно. Я стала совсем старая. Я больше не та Саша Кашеварова, какой была раньше. Мне впору купить кресло качалку и зонтик-тросточку, как у старухи Шапокляк!

– Это предменструальный синдром, – мгновенно поставила диагноз Лера, – а зонтик-тросточка у тебя и так есть. Между прочим, ангелочек на ягодиче – это пошло.

– Вот и ты туда же...

– Мне пора идти! Не раскисай, старушка ты моя. Кстати, когда ты наконец соберешься меня навестить? Без тебя скучно даже в Лондоне.

– Не знаю, – уныло ответила я, – у меня столько работы...

– Забавно слышать такое от тебя. Что ж, ты знаешь, что мое скромное жилище всегда в твоём распоряжении.

– Спасибо тебе, Лерка! Звони почаще!

– Все, вешаю трубку. И не плачь, от слез стареют, – вероломно предупредила она.

* * *

За долгие годы нашего знакомства моя дружба с Леркой давно уже перешла в стадию сестринской любви. Иногда у меня создается впечатление, что Лера, точно талисман, присутствует в моей жизни с самого рождения. Хотя я и сейчас великолепно помню тот день, когда впервые ее увидела.

Случилось это в начале сентября, в тот день, когда я впервые пришла в университет, в здание факультета журналистики на Моховой. Настроение мое было приподнятым, физиономия – восторженно-торжественной. На мне были новая вязаная юбка, нагутаиненные туфли и строгий пиджак. В новом кожаном портфеле лежали свеженькие тетради, в голове толпились планы и мечты самого разного масштаба. Я была на сто процентов уверена, что буду признана самой эрудированной и остроумной студенткой факультета, что все телекомпании и гляцевые журналы России будут драться за право предложить мне место стажера, а потом и штатную высокооплачиваемую должность. Я была настроена на каторжный труд, на полуночные посиделки над потрепанным томиком Гегеля, досрочную сдачу всех возможных зачетов. Никаких вечеринок, строго велела я себе. Я уже достаточно взрослая, чтобы решительно отказать себе в легкомысленных радостях ради светлого будущего и головокружительной карьеры.

Вот с таким настроением я и вошла в аудиторию, где должна была состояться первая студенческая лекция в моей жизни. Усевшись за свободный стол, я гордо выложила из сумки толстенную тетрадь и кропотливо ее подписала – «Лекционная тетрадь Александры Кашеваровой».

– Ой, какая у тебя фамилия смешная! – вдруг раздался над моим ухом звонкий приветливый голос.

Я недовольно обернулась и увидела Лерку – вернее, тогда я еще не знала, имени улыбчивой стройной блондинки в обтягивающих красных штанах, которая нависла над моим столом и ждала ответной реплики. С первого взгляда девчонка мне не очень-то понравилась. Как она могла додуматься прийти в университет в штанцах, пригодных разве что для дискотеки? Брюки, конечно, красивые и ей идут, но все-таки... На мой взгляд, такое поведение просто кощунственно.

– Что смешного? – без улыбки пожала плечами я, – фамилия как фамилия.

– Слушай, а можно я с тобой рядом сяду? – не отставала блондинка.

И мне пришлось сказать: «Ну, садись!», хотя меньше всего на свете я хотела, чтобы данная личность на протяжении всей лекции звенящим шепотом вела со мной беседы отвлекающего характера.

Она радостно плюхнула миниатюрную кожаную сумочку на парту.

– А где же твои тетради? – удивилась я.

– Да ладно, можно подумать, они нам понадобятся в самый первый день, – махнула рукой моя новая знакомая, – меня, кстати, Лера зовут. А ты не знаешь, что за лекцию нам предстоит выслушать?

– Саша. По-моему, история журналистки, – ответила я, сверившись с выписанным в специальный блокнот графиком занятий.

– Какая скука, – зевнула она, – надо было подольше поспать.

– Если тебе скучно, зачем же ты тогда вообще сюда поступала?

– Родители достали, – хохотнула Лерка, – у меня папа журналист, он всю жизнь мечтал, чтобы я пошла по его стопам... А ты?

– Что я?

– Ты с детства мечтала стать журналисткой?

– В детстве я мечтала стать модельером, – улыбнулась я, – красивая одежда – моя слабость. Но потом выяснилось, что руки у меня растут явно не из того места. Я даже фартук на уроке труда умудрилась испортить. Хотела прогладить швы, а в итоге сожгла все кружева.

– Значит, ты хочешь быть модным обозревателем?! – обрадовалась Лера. – Знаешь, а я сразу поняла, что ты из наших. У тебя такие стильные туфли! Я тоже мечтаю работать в мире моды.

Я польщенно улыбнулась и краем глаза посмотрела, любуясь, на свои башмаки. Кто бы знал, чего мне стоило убедить родителей в том, что покупка дорогих туфель – это вовсе не глупая трата, а выгодное вложение капитала в мое образование.

– Вот здорово, возможно, мы будем вместе работать! – не унималась восторженная любительница моды, – а раз так... Ладно, пожалуй, я могу открыть тебе один секрет.

«Ну вот, начинается», – затосковала я. Сейчас она начнет с заговорщицким видом посвящать меня в разные малоинтересные глупости – в кого она тайно влюблена, как она лишилась девственности и каковы ее взгляды на семейную жизнь. Этого мне только и не хватало. А я так мечтала внимательно прослушать лекцию.

– Здесь недалеко есть один магазин, – наклонившись к моему уху, зашептала Лера, – секонд-хэнд.

– Ну, вот еще, – брезгливо поморщилась я, – я люблю новую одежду.

– Ты ничего не понимаешь! – возбужденно зашипела она, – это не обычный секонд-хэнд, а эксклюзивный. Там продается дизайнерская одежда и стоит сущие копейки! На прошлой неделе я купила там пальто от «Версаче» всего за десять долларов!

– Да ты что? – наострила уши я. – Не может быть. Если бы было так, то в этом магазине были бы огромные очереди.

– Вот! – Она подняла вверх указательный палец. – В том-то все и дело. Это не совсем обычный магазин, на нем нет никаких вывесок, и войти можно только по специальному пропуску.

– И?

– И у меня этот пропуск есть! – самодовольно заключила она, – так что если хочешь...

– Ты имеешь в виду после лекций? – уточнила я.

– Да кому нужны дурацкие лекции, если за углом даром раздают «Версаче», – рассмеялась Лерка, – и потом, магазин работает только первую половину дня. Так что ты как хочешь, Кашеварова, а вот лично я собираюсь заняться обновлением гардероба.

– Все равно у меня нет денег, – вздохнула я.

– Да ладно, – удивилась Лерка, – а разве родители не выдали тебе деньги на учебники? Ты видела список? Придется покупать много книг.

– Но это на учебники, – возмутилась я, – второй раз мне денег не дадут!

– И не надо. Зачем нужны эти учебники, если ты собираешься ходить на лекции. Учебники реально понадобятся тебе только перед сессией, зимой. А к тому времени мы уже получим стипендию.

Ее доводы звучали ох как убедительно. В этой радужной картине мне виделось лишь одно крошечное «но» – а кто вообще выплатит стипендию двум девицам, которые напряженной учебе предпочитают поход в элитный секонд-хэнд?

Я нахмурилась – конечно, я была бы вовсе не прочь посетить сие волшебное заведение и своими глазами убедиться, что земной рай под кодовым названием «дешевый от кутюр» и в самом деле существует. С другой стороны – ну как я могла нахально прогулять лекцию в свой первый университетский день? Может быть, мне удастся уговорить ее перенести магазинный культпоход на завтра или вообще на конец недели?

С сомнением я покосилась на будущего модного обозревателя Валерию Солнцеву и по особенному решительному блеску в ее глазах поняла, что капитулировать она и не собирается. Вот будет обидно, если вместо меня она пригласит в заветный магазин кого-нибудь еще!

Я огляделась по сторонам – справа от нас сидела длинноволосая брюнетка в кожаной юбке, вытягивая шею, она заинтересованно прислушивалась к нашему диалогу. Уверена, что уж она-то не упустит такого шанса. Смогу ли я простить себе собственную принципиальность, когда завтра Лера и эта брюнетистая дылда появятся на журфаке в модных платьях, в то время как я буду по-прежнему с заинтересованным видом таращиться в лекционную тетрадь?!

– Решайся, – уговаривала змея-искусительница, – подумаешь, один раз прогулять! Наоборот, лучше сделать это в самый первый день, ведь наверняка эта лекция вводная.

Что ж, крупница здравомыслия в ее словах была.

– А завтра пойдем на лекции. На все подряд. Представляешь, на нас будут новые модные шмотки, мы сядем в самом последнем ряду и будем по десятибалльной шкале оценивать однокурсников!

– Это как?

– Дикая ты какая-то, Кашеварова. Десять баллов – годится для продолжительного романа, восемь – для молниеносной вспышки страсти, шесть – для пьяного секса, пять – сойдет на безрыбье, а все, что ниже – вообще не котируется.

Я не смогла сдержать смех.

– Ладно, уговорила. Пойдем в твой магазин. Примерной студенткой я, пожалуй, стану с завтрашнего дня.

С этими словами я убрала «Лекционную тетрадь Александры Кашеваровой» обратно в портфель.

В тот день я обзавелась не только сногшибательной замшевой юбкой, расшитыми бисером джинсами и двумя вечерними платьями, но и лучшей подругой.

Мы с Леркой мгновенно нашли общий язык. Возбужденные, счастливые, обвешанные хрустящими пакетиками, мы отправились в кафе при консерватории. Там, за крепчайшим кофе и песочным тортиком, Лера вкратце рассказала мне о себе. Она была на два года меня

старше, после школы сбежала из дома, чтобы петь в какой-то группе, но потом вернулась, работала продавщицей в отделе косметики и спала с кем попало в надежде встретить мужчину своей мечты. А еще у Лерки был роман с известным рок-певцом, который годился ей в отцы. Услышав его фамилию, я округлила глаза и выдохнула: «Да ты что?!», а она многозначительно улыбнулась.

В ответ я поделилась с ней скудной информацией о собственной несуществующей личной жизни. Пожав плечами, она заметила, что все у меня впереди. Так оно и вышло – с Леркиным появлением моя жизнь закрутилась в бешеном ритме, как сломанная карусель.

На следующий день мы дружно прогуляли лекции и отправились в ГУМ; Лерка безапелляционно заявила, что это не что иное, как «изучение современных модных тенденций», что пригодится в нашей будущей карьере куда больше, чем ежедневное лекционное занудство.

С тех пор так и повелось – вместо занятий мы весело бродили по магазинам или просто болтались по городу, время от времени оседая в кафе и кондитерских. В первую сессию нам пришлось нелегко, но со временем мы освоили сложное искусство очаровывания преподавателей и худо-бедно зарабатывали оценку «удовлетворительно». По этому поводу Лерка любила шутить: «Ах, у меня «удовлетворительно»? Что ж, это значит, что я удовлетворила этого преподавателя! Кашеварова, да мы с тобой такие молодцы, всех лекторов удовлетворили!»

К окончанию университета мы были близки, как попугаи-неразлучники; о том, чтобы разойтись по разным редакциям, не возникало и речи. В редакцию никому не известной, зато еженедельной газеты «Новости Москвы» мы зарулили по чистой случайности. Каково же было наше удивление, когда обеих пригласили занять штатные должности! Я, как и мечтала, стала трудиться в отделе моды и получила желанный открытый доступ к показам, красивым платьям и блатным распродажам. Ну а Лерка, к моему удивлению, устроилась в спортивный отдел и получила открытый доступ к мускулистым телам представителей самых разных видов спорта.

Через несколько лет мы обе доросли до должности редакторов; у меня даже появился собственный кабинет – пыльное помещение, размерами сопоставимое с кабинкой общественного сортира. Покидать насиженное место не хотелось – я привыкла и к своей рубрике, и к коллективу (даже к стервозному начальнику по имени Максим Леонидович Степашкин, который непонятно за что возненавидел меня с первого взгляда).

И вот несколько месяцев назад случилось ужасное – Лерка ворвалась в мой кабинет без стука, и глаза ее горели особенным фанатичным огнем.

– Выкладывай, кто он! – потребовала я. Я прекрасно знала, что такая блудливая шальная улыбочка появляется на подружкином лице только в одном случае – если она заприметила подходящего для романтики мужика.

– Он – британский консул! – выпалила Лерка.

– А где же ты с ним познакомилась? – удивилась я.

– Но это не то, что ты думаешь! Кашеварова, знаю, что я гадина! Я должна была рассказать тебе с самого начала, но побоялась взглянуть!

– Да что случилось?! – насторожилась я. – Ты замуж, что ли, за этого консула собралась?

– Нет... В общем... Сегодня мне дали британскую визу, и я... Кашеварова, я улетаю в Лондон, – Лерка умолкла на полуслове и отвела глаза.

– В отпуск? Мы же собирались вместе отправиться на Крит!

– Это не отпуск, – еле слышно прошелестела моя лучшая подруга, – я участвовала в конкурсе, который проводил Британский Совет, и выиграла грант... Кашеварова, я уезжаю на восемь месяцев, учиться.

Я встряхнула головой, уж не снится ли мне все это?

– Что значит учиться? Тебе не хватило нашей учебы в университете? – спросила я, и только потом до меня дошло. – На восемь месяцев?!

– Ну, прости меня, – заныла Лерка, – они пролетят как один день!

– Но почему ты ничего мне не сказала?! Может быть, я бы тоже выиграла этот чертов грант?!

– Я подумала, что вряд ли ты поедешь... Ты ведь теперь заместитель главного редактора, зачем терять карьеру ради удовольствия испробовать британских мужчин. Кстати, я наслышана, что они очень даже ничего.

Гонимая жаждой международных приключений, неутомная моя Лерка и в самом деле через некоторое время отправилась в Туманный Альбион. И надо сказать, Москва без нее заметно опустела – магазины перестали быть столь волнующе завлекательными, наши любимые спагетти – столь божественными на вкус, а перспектива испить кофе вместо работы – столь уж заманчивой.

Постепенно я привыкла к тому, что лучшая подружка превратилась в бесплотный голос, ежедневно приветствующий меня в телефонной трубке, да в фотографию, что стоит на моем комодe – на ней мы вдвоем, в одинаковых выцветших джинсах и белых маечках, беззаботные и еще совсем молоденькие, стоим на фоне здания сплотившего нас университета.

* * *

Хорошо, что моя работа расслабиться не позволяла. Некоторое время назад меня, урожденную лентяйку, убежденную неряху и мастера спорта международного класса по отлыниванию от рабочего процесса, вдруг по непонятным причинам назначили заместителем главного редактора газеты «Новости Москвы».

Когда мой босс, Максим Леонидович Степашкин, сквозь зубы объявил мне о своем решении, я чуть со стула не грохнулась.

Почему-то мне совсем некстати вспомнилось, как еще, будучи студентками, мы с Леркой и парочкой безалаберных одноклассников отправились за грибами. Мы наивно искали подберезовики и лисички, а вот наши кавалеры почему-то упрямо толпились вокруг каких-то крошечных поганок, похожих на тонкие полупрозрачные былинки. «Это галлюциногенные грибы! – с умным видом изрек один из них. – За их хранение можно отправиться в изолятор». Не знаю, почему этот факт внушал им такой ненаигранный оптимизм – видимо, они полагали, что наличие в их карманах галлюциногенного гриба – это безусловный атрибут взрослости и крутизны. Я только и могла, что брезгливо морщиться, когда они принялись отправлять себе в рот пригоршни сырых поганок, надеясь, что перенесенные гастрономические страдания помогут им «словить глюк». Сама я тоже попробовала один грибочек, оказавшийся довольно мерзким на вкус. К разочарованию наших начинающих наркоманов, никому из них так и не посчастливилось увидеть настоящую галлюцинацию. Хотя мы долго лежали рядом на траве, прислушиваясь к своим организмам. И время от времени кто-нибудь из нас восклицал:

– О! У меня все плывет перед глазами.

Или:

– Кажется, начинается. Я как будто проваливаюсь в землю.

Закончилось все тем, что наши объевшиеся поганок друзья вдруг сорвались с места и синхронно умчались в ближайший лесок: как потом выяснилось, опасный эксперимент обернулся для них острейшим расстройством желудка. Я потом над ними долго посмеивалась. А они мрачно отводили глаза и бормотали:

– Ты тоже съела грибочек. Вот подожди, может быть, все еще будет.

– Как это? – хохотала я.

– Есть такое понятие, флэш-бэк. В твоём организме присутствует кислота, которая в любой момент может активизироваться. Так что если вдруг увидишь у лектора рога и хвост, не спеши бежать к психиатру. Это просто тебе передает привет грибочек, которым ты черт знает когда полакомилась.

Мне тогда было всего девятнадцать лет, и почему-то тот диалог произвел на меня сильнейшее впечатление. Помню, я еще долго с опаской ждала «грибного привета».

К чему это я?

Ах да, когда главный редактор Максим Леонидович Степашкин сказал, что я могу занять кресло его заместителя, я грешным делом сразу вспомнила о том злополучном грибочке. Поздравляю, Кашеварова, дождалась. Словила-таки глюк на старости лет. Потому что правдой это быть ну никак не могло, ведь я прекрасно знала, что Степашкин испытывает ко мне, мягко говоря, не самые теплые чувства.

Однако потом выяснилось, что это предложение вовсе не было запоздалой галлюцинацией.

Так я и стала заместителем редактора.

Вот каковы приятные штрихи моего нового назначения (если честно, штрих всего один): повышение зарплаты. Да, я стала гораздо больше получать и даже смогла наконец накопить на собственный автомобиль.

О неприятных последствиях можно говорить более пространно: во-первых, мне теперь приходится не только работать над собственными материалами, но еще и править чужие. Поскольку редакторский стаж мой невелик, то ко мне отправляются обычно статьи полуграмотных практиканток. Первые две недели мне это даже нравилось – упиваясь собственной властью, я решительно вычеркивала из материалов запуганных корреспонденточек целые абзацы, поджав губы, я обзывала их бездарностями, я даже с самым снобским видом исправляла им орфографические ошибки, хотя это работа корректора. В итоге я не добилась ничего, разве что прослыла среди младших сотрудников редакции неисправимой злобной стервой. Но в один прекрасный день до меня дошло: иногда я полдня «причесываю» статью, которая в итоге выходит под чужой фамилией. Иными словами, пашу я, а гонорар и начальственные лавры получает кто-то другой! С тех пор я стараюсь подходить к редакторской правке чуть менее творчески.

Продолжая распинаться о недостатках новой работы, также отмечу среди них почти ежедневные совещания в кабинете главного редактора. Раньше я общалась со Степашкиным только в случае крайней необходимости. А теперь его ненавистная физиономия мозолит мне глаза чуть ли не каждый день.

О моих отношениях с начальством, наверное, стоит сказать отдельно. Собственно говоря, эти самые отношения компактно укладываются в два слова: холодная война.

Максиму Леонидовичу Степашкину всего тридцать восемь лет, но нравы у него пенсионерские. Он мог бы считаться привлекательным (ведь он высок, строен, голубоглаз, всегда аккуратно одет, у него русые мягкие волосы и правильные черты лица), однако в редакции за глаза его называют не иначе как «наш уродец». Максим Леонидович трудоголик в самом худшем смысле этого слова. Большую часть своего времени он проводит в здании редакции, и почему-то от других требует такого же неоправданного рвения. Он может совершенно искренне удивиться, узнав, что кто-то из сотрудников газеты не горит желанием выйти на работу в выходной. «Как же так, ведь у нас аврал!» – воскликнет он, округлив ясны очи и изумленно уставившись на безалаберного сотрудника.

Максим Леонидович ужасно одевается. Нет, не совсем так. Он вовсе не фрик, который может прийти в офис в укороченных брючатах и полосатых носках. Просто гардероб

его так же безрадостен, скучен, как и он сам. Нравнодушный к классическому стилю, он и зимой, и летом, не вылезает из строгого костюма. Костюмов у него четыре – коричневый, темно-синий, бежевый и серый в полоску. А вот с рубашками совсем беда – у стороннего наблюдателя сложилось бы впечатление, что она у него и вовсе одна-единственная. Но, скорее всего, шкаф Степашкина забит одинаковыми рубашками – голубыми в темно-синюю полоску. Иногда, на корпоративных мероприятиях, накачавшись дешевым вином, мы обсуждаем этот вопрос с девчонками из бухгалтерии.

Я – полный степашкинский антипод.

На работу хожу неохотно, обожаю валяться в постели до полудня, умудряюсь растягивать обеденный перерыв на половину рабочего дня, а всю зарплату просаживаю на косметику и одежду (причем шопинг для меня не каприз, а психологический акт, именно так я снимаю стресс; это настоящая эйфория, катарсис). Неудивительно, что главный редактор считает меня ни на что не годной легкомысленной годной вертихвосткой. Такие мужчины, как Максим Степашкин, ненавидят таких женщин, как Саша Кашеварова. Это закон природы.

Причем его опытный редакторский взгляд распознал во мне лихую прогульщицу еще десять лет назад, когда я только пришла в «Новости Москвы» и усиленно играла роль прилежной отличницы-активистки.

Все эти годы мы не работали бок о бок, мы нехотя уживались в одной редакции. Он чуть ли не каждый день угрожал мне увольнением. Странно, что ни разу не уволил.

Конечно, со временем я привыкла и к странностям его характера, и к его злому сарказму, и к холодному презрению, которым он так любил меня обливать. И знаете что – иногда я ловила от всего вышеперечисленного особенный мазохистский кайф. Иногда, в разгар ссоры с начальником, я вдруг осознавала, что он-то злится по-настоящему, а я ему просто привычно подыгрываю. В моем присутствии Степашкин почему-то частенько начинал особенно рьяно избавляться от нервных клеток, которые, как известно даже первоклассникам, не восстанавливаются.

ГЛАВА 2

моя соседка по лестничной клетке – Верунчик – дама в высшей степени колоритная. Ее амплуа колеблется по особой шкале от «знойной женщины» до «несносной бабы». Знойной женщиной Верунчик становится, когда налаживается ее личная жизнь. В такие моменты она садится на диету, хорошеет, носит красное, раз в неделю ходит на маникюр и ведет себя, как спустившийся на землю ангел.

Беда в том, что Верунчик – натура ветреная и непостоянная. В свои «слегка за сорок» она меняет любовников, как трусы «неделяка». То она кого-то бросает, то бросают ее. Так вот, в «межсезонье» или, как она сама выражается, «моменты засухи», она и становится самой несносной настоящей бабой – толстеющей злобной ведьмой, ворчливой и не в меру разговорчивой.

Несколько лет назад я стала жертвой собственного человеколюбия и пригласила зашедшую за солью соседку на чашечку кофе. С тех пор она совершенно искренне считает меня своей подругой, и несколько раз в день врывается в мой размеренный домашний быт с целью вывалить на мою бедную голову ушат последних новостей о себе, любимой. И если Верунчика-знойную-женщину я еще худо-бедно могу терпеть, то Верунчик-несноснаябаба вызывает у меня в лучшем случае головную боль, а в худшем – рвотные позывы.

«Только бы не наткнуться на Верунчика», – подумала я в тот вечер, открыв дверь своего подъезда. Я знала, что неделю назад мою не в меру активную соседку бросил мужчина, который значил для нее несколько больше, чем его многочисленные предшественники. Во всяком случае, упоминая его имя, Верка несколько раз произносила слово «свадьба»; а еще она на полном серьезе консультировалась со мной, не будет ли выглядеть смешно, если сорокалетняя невеста явится на церемонию бракосочетания, как и положено, в белоснежной фате. Я тактично присоветовала ей предпочесть шляпку (ссылаясь, конечно, не на возраст брачующейся, а на тенденции капризницы-моды). На что Верунчик, поджав щедро намазанные губы, сказала, что таких модных обозревателей, как я, надо с позором увольнять из средств массовой информации, чтобы они не пудрили мозги наивным невестам вроде нее.

Когда Верунчик влетела в мою квартиру неделю назад, я ее сначала и не узнала. Мне и до сих пор кажется странным – как можно за считанные часы из знойной женщины, почти невесты, превратиться в лохматую зареванную ведьму с потеками дешевых румян на полноватых щеках?! Верка басовито рыдала, многоэтажно материлась, грозила убить предателя и повеситься самой – но в итоге все ее угрозы и завывания нашли материальное воплощение в поллитровой бутылке водки, выпитой ею почти залпом до самого дна. После чего невесту-неудачницу вырвало на свежeweымытый пол моей кухни, а я подумала – ну почему так получается: личная жизнь есть у других, а отдуваться приходится мне?!

В тот вечер голова моя раскалывалась так, словно она находилась внутри звонящего колокола. Почти весь день я провела, редактируя огромный специальный репортаж; одновременно приходилось вести электронную переписку с мэрией и править бестолковые тексты молодых стажеров. Я мечтала об одном: выпить чашечку травяного чая, заесть ее диетическим хлебцем и погрузить переутомившийся организм в сладкую благодать сна.

Но не тут-то было – едва войдя в подъезд, я сразу все-таки наткнулась на Верку. Правда, моя досада сменилась изумлением, когда я рассмотрела, как замечательно выглядит моя депрессивная соседка, которая еще вчера за рюмкой водки перебирала все возможные способы суицида, только вот определиться так и не смогла.

Вы не поверите, но Верунчик опять стала «знойной женщиной»!

У нее красиво блестели глаза, ее волосы были чисто вымыты и художественно раскиданы по плечам. Красное замшевое пальто было явно новым и весьма подходило к ее яркой,

даже немного вульгарной внешности. От Верунчика пахло (а если честно – то просто разило) духами «Ангел» от Тьерри Мюглера, ее карминные губы были изогнуты в улыбке высшей степени загадочности.

– Сашка, как хорошо, что я тебя встретила! – с этими словами она буквально прижала меня к стене, отрезав все пути к отступлению, – скажи, как я выгляжу?!

– Бесподобно, – я даже почти не приукрасила, – что случилось? Неужели... – я многозначительно замолчала, устремив вопросительный взгляд на ее белую блузу, сквозь которую явственно просвечивал дорогой золотистый лифчик.

– Да! – воскликнула она. – У меня свидание. Наконец-то! А то у меня уже начинаются комплексы.

Вы только посмотрите на нее. Да у меня, молодой успешной тридцатилетней красавицы, два месяца, одну неделю и три дня не было секса. А она жалуется на безрыбье после одной недели одиночества – не хамство ли это?!

– А с кем? – несколько ревниво спросила я.

Сейчас Верунчик ответит – «да с Петькой, вахтером из соседнего подъезда» или «да так, с типом, который продает газеты возле метро, ты его не знаешь», и душа моя успокоится. Я скажу себе – просто у Верки в отличие от меня низкие требования, поэтому она всегда, что называется, «при деле».

– С потрясающим мужчиной, – потупила глазенки она, – он итальянец, но работает в Москве.

– В пиццерии что ли?

– Ну, зачем ты так, – хмыкнула Верка, – в банке. Ну ладно, я помчалась. Не хочу опаздывать!

Наверное, мне так не везет, потому что я ужасный человек.

Я моральный урод, и вот несколько весомых тому доказательств.

10 Фактов, свидетельствующих о моем моральном уродстве

1. Я способна с одной подружкой за глаза злобно обсудить другую, а потом с той, другой, первую.

2. Я сто раз хотела перечислить деньги на счет какого-нибудь детского дома, но так ни разу и не перечислила, поскольку всегда выясняется, что свободные деньги уже потрачены на туфли и тушь.

3. Я ненавижу красивых женщин.

4. На прошлой неделе я соврала одной приятельнице, что ей идет то вульгарное расклешенное пальто, хотя на самом деле она выглядела в нем, как харьковская продавщица табачного киоска.

5. Также на прошлой неделе я соврала родителям, что у меня нет денег, и они наскребли мне сто пятьдесят евро. А на самом деле деньги у меня были, к тому же мне уже тридцать один год.

6. Я не умею готовить, но люблю производить впечатление хорошей хозяйки. Поэтому частенько покупаю в кулинарии готовые котлетки и пельмени ручной лепки и выдаю их за свои собственные. Мужчины восхищаются, а я и глазом не моргну.

7. Однажды я невесть зачем сказала одной подружке, что бегаю по утрам, хотя сама сроду не вставала раньше полудня. И вот теперь она, вдохновленная моей силой воли, и в самом деле бежит по утрам. Ну а я по-прежнему сплю до полудня.

8. Мне тридцать один год, а мой материнский инстинкт все еще не проснулся.

9. Когда подружки рассказывают мне о своих сумасшедших романах, в то время как я одинока и заброшена, я не могу искренне за них порадоваться, хотя и делаю вид.

10. Иногда мне кажется, что я полное ничтожество, и это вовсе не игривое кокетство.

* * *

Вот, с кем мне хотелось бы переспать: Антонио Бандерас, Джонни Дэпп, Дэвид Бекхэм, Сергей Безруков, тот тип, что ведет занятия по тай-бо в моем спортклубе (в котором я, к слову сказать, не появлялась уже два с половиной месяца), тот тип, с которым я познакомилась пару недель назад в ночном клубе, и он пообещал позвонить, но так и не позвонил, Леонардо Ди Каприо, Брэд Питт и мой начальник, Максим Леонидович Степашкин. О последнем надо бы сказать отдельно. Чтобы вы ненароком не подумали, что сей монстроподобный тип и в самом деле является объектом моей тайной страсти.

Скорее наоборот: более антисексуального персонажа мне встречать не доводилось. Просто так уж вышло, что от природы я любопытна (иногда не в меру). Мне элементарно интересно: как удовлетворяют свои физиологические потребности такие люди, как наш Максим Леонидович? Он ведь не умеет ни кокетничать, ни тонко намекать, ни говорить комплименты – в общем, в его поведении, похоже, нет ни одной уловки соблазнителя.

И все же даже в таких людях, наверное, заложен половой инстинкт.

Хотя если бы кто-нибудь мне сказал, что Максим Леонидович размножается методом опыления, я не слишком бы удивилась. Потому что и сама подозревала давно, что мой босс – человекоподобный гуманоид, прибывший на нашу планету с целью доведения до белого каления мирных землян.

Иногда – как правило, это происходит в непролазной пробке или душной давке метрополитена – я, похихикивая, об этом размышляю. Представляю, что в один прекрасный день Степашкин вдруг пригласит меня на романтический ужин. Да знаю я, знаю, что это неправдоподобно. И все-таки мне нравится неторопливо прикидывать – а что же случилось бы после того, как шампанское было бы выпито, деликатесы полупереварились, а зажженные для антуража свечи оплавилась бы и потухли? Ясен пень, что за самим ужином мы бы беседовали исключительно о новой рекламной политике газеты и о том, как бы хоть немножко повысить тиражи. Не могу представить, как бы этот офисный сухарь перешел от деловой беседы к наступательно-эротической операции. Пригласил бы меня к себе? Покашливая и пряча глаза, напросился на вечернюю чашечку кофе?

А потом – неужели он бы забился в уголок дивана и пугливо ждал моей инициативы?

Хотя вот моя лучшая подружка Лера уверена, что как раз такие с виду приличные тихони в постели оказываются истинными секс-монстрами.

«Понимаешь, им большую часть времени приходится сдерживать свои эмоции, – объясняет она, – казаться холодными и деловыми. Так что накопившуюся энергию они могут выплеснуть только в постели. Поэтому с такими типами надо быть поосторожнее. А то придет, весь из себя приличный, в галстучке, принесет пять гвоздик, а потом набросится и порвет, как Тузик грелку. И ты потом неделю будешь передвигаться семенящими шажками и шейным шарфиком кокетливо скрывать засосы!»

Лерка – не теоретик-пустобрех. Как-то раз еще в студенческие годы она пригласила в гости главного отличника нашего курса – серьезного сутуловатого паренька, у которого уже в двадцать лет были проработаны темы для кандидатской, а впоследствии и докторской диссертации. Леркины мотивы были вполне невинными – она рассчитывала, что отличник поможет ей написать реферат по теории литературы. А у него на сей счет была своя теория. Что там у них произошло – об этом во всех подробностях я так и не узнала. Факты таковы: на следующий день Лерка появилась на занятиях подозрительно взбодороженная, с горящими

глазами и ярким румянцем во всю щеку. Она беспричинно хихикала, понизив голос, говорила, что у нее «там» все болит, и что она таких бешеных, как отличник этот, никогда не встречала. Ах да, и то, что в ее квартире теперь не осталось мест, где они бы не отметились. «И в ванной, – твердила она, – и на подоконнике!»

Отличник потом долго ей звонил, но Лерка никогда больше его в гости не приглашала.

Жалко, что я не могу рассказать ей про свою (не эротическую, а скорее юмористическую) фантазию, в которой фигурирует Максим Леонидович. Я точно знаю, что в противном случае она обзовет меня сдвинутой и потом еще долго будет меня этим поддразнивать.

* * *

– Я простудилась, – прохрипела я в телефонную трубку, – собиралась пойти на работу, уже встала, но потом решила померить температуру... и что вы думаете, тридцать восемь!

– М-да? – недоверчиво спросил мой начальник, главный редактор газеты «Новости Москвы» Максим Леонидович Степашкин.

– Наверное, меня в метро заразили. Вчера была такая давка, и один противный тип все время норовил в мою сторону чихнуть, – вдохновенно врала я, – так жалко, а я ведь собиралась закончить материал о гастарбайтерах.

Здесь по правилам этикета следовало бы сокрушенно вздохнуть, что я с превеликим удовольствием и сделала.

– Хотя с другой стороны... Никто не пострадает, если материал я закончу завтра! Думаю, в таком случае он будет даже более весомым и свежим.

– Более весомым и свежим, – нараспев повторил Максим Леонидович, и его угрожающая интонация ничего хорошего не сулила, – вы рассчитываете, что уже к завтрашнему дню будете здоровы?

– Зуб даю! – звонко прокричала я, даже забыв об имитации предсмертного хрипа.

– Сдается мне, Александра, что вы опять взялись за старое, – вздохнул шеф, – а я-то думал, что вы созрели для должности моего заместителя.

– Разве я дала хоть один повод в этом усомниться? – обиженно поинтересовалась я.

И это была чистая правда. С тех пор, как на двери моего кабинета появилась табличка «Заместитель главного редактора», меня словно подменили. Я почти перестала опаздывать на работу, и больше не выбрасываю в мусорную корзину факсы, которые мне попросту лень читать. И мой обеденный перерыв никогда не затягивается больше, чем на полтора (ну хорошо, два с половиной – но это было всего пару раз, в горячее время рождественских распродаж) часа.

– Пока не давали, – неохотно согласился Степашкин, – но с таким заместителем, как вы, невозможно расслабиться. Я все время жду от вас подвоха.

– Я тоже живой человек, – разозлилась я, – и имею полное социальное право на грипп!!

– Ладно, вам виднее, – Максим Леонидович вздохнул так тяжело, словно это он, а не я, играл роль смертельно больного, – ступайте, куда хотите. Не знаю, куда вы уж собрались вместо работы, по магазинам или на свидание. Но учтите, если завтра на моем столе не будет обещанной статьи... Уволю!

И не дождавшись моего последнего «прости», он бросил трубку.

Ну а я, с философски-спокойной улыбкой пожав плечами, отправилась на реабилитацию собственной молодости. А что нужно женщине, чтобы почувствовать себя молодой? Первое – новое платье и чистые волосы, второе – весеннее настроение и третье – влюбленность. Ни разу не выдавшее свет вязаное платье «Москино» как раз имелось в моем шкафу – купила я его на распродаже и вовсе не потому, что мне и правда понадобился неоправ-

данно дорогой кусочек золотистой ткани с множеством тесемок, а потому, что не купить за такую символическую цену «Москино» было бы по меньшей мере глупо. Голову я быстренько сполоснула под краном. Весеннее настроение должны были обеспечить гомеопатические пилюли-антидепрессанты, на которые я подседа несколько месяцев назад. Ну а влюбленность... Именно этим я и решила заняться в украденный у грозного начальства рабочий день.

Я решила, как в старые добрые времена, познакомиться с мужчиной. Неважно где и как. Опыт приобретения новых романтических знакомств у меня колоссальный – в свое время я на счет «раз-два» в любом общественном месте могла познакомиться с приглянувшимся мне индивидом. Не зря же Лерка так любит повторять, что мастерство не пропьешь.

Что ж, Кашеварова, значит, настал момент тряхнуть стариной.

* * *

Магазинная витрина, в которую я заглянула, чтобы поправить прическу, свидетельствовала о том, что выгляжу я максимум на двадцать пять лет. Наскоро сделанные кудряшки придавали моему образу что-то неуловимо сентиментальное, трогательно девчоночье. Впечатление усугубляли розовая помада и нестираемая полуулыбка, словно прилепленная к лицу клеем «Момент». Правда вот, злополучное платье было явно рассчитано на обладательницу более субтильного телосложения... Но ничего страшного – носит же мини Дженнифер Лопес, кормовая часть которой весьма сопоставима с моей.

Главное – не комплексовать, в наше время обладательница любых габаритов может прослыть секс-символом.

Насладившись совершенством своего отражения, я машинально кинула взгляд в глубину витрины и увидела... шоколад. Чего здесь только не было – и банальные шоколадные зайцы, и конфеты вида самого что ни на есть заманчивого, и даже огромная шоколадная железная дорога с выполненным во всех подробностях паровозиком.

Я подняла глаза на вывеску: «Шоколате». Конфеты ручной работы». И поняла, что я непременно должна отметить в этом волшебном заведении. Потому что, подобно всем невротичным горожанкам, склонным к депрессивным состояниям, шоколад я обожаю. Гарантированное лекарство от моей меланхолии – диван с пледом, телевизор с комедией и коробочка шоколадных конфет. Так что легкие формы депрессии обычно оборачиваются для меня округлившимися формами организма.

Я решительно вошла внутрь и замерла на пороге, вдохнув божественный аромат какао, корицы, взбитых сливок и еще бог знает чего.

Это был рай – и я даже не подозревала до какой степени. Пока не бросила взгляд на одну из забитых шоколадными конфетками витрин, возле которой одиноко перетаптывался незнакомый мужчина. Окинув его внимательным взглядом, я решила, что он вполне пригоден для знакомства с целью самоутверждения.

Он был в меру высок и в меру блондинист, он близоруко шурился, склонившись над конфетами, и носил стильное кашемировое пальто.

Мужчина, который любит шоколад, – как это трогательно. Правда, может оказаться и так, что он покупает здесь подарок для своей любовницы, но я привыкла всегда на всякий случай оптимистично рассчитывать на лучшее.

Хм... Рассчитывала на лучшее, а получилось, как всегда. Я почти вплотную к нему приблизилась, еще парочка сантиметров, и я бы прижалась к его спине, – а он даже никак не отреагировал на внезапное появление меня, такой всей из себя красавицы.

Вот и пришлось мне с лукавым видом маячить у него за спиной, как клоунессе из телепередачи «Розыгрыши скрытой камерой». А ему – хоть бы что. Он был полностью увлечен шоколадом и медленно переходил от одного стенда к другому.

И только когда я заметила, что продавщица посматривает на меня как-то нехорошо, пришлось перейти к более активным действиям.

Кашлянув, я несмело тронула приглянувшегося мужчину за плечо.

Он вздрогнул, словно чье-то присутствие и впрямь застало его врасплох. То ли он был немножко не в себе, то ли просто слишком глубоко ушел в свои шоколадные размышления.

– Простите, что напугала, – немедленно улыбнулась я. Не желаю, чтобы он впоследствии связывал мой образ с пережитым стрессом.

– Да ничего, – он вполне дружелюбно улыбнулся в ответ, – я чем-то могу помочь?

Взгляд, которым он окинул мои ноги, обнадеживал. Я пришлась ему по вкусу – это точно. А хорошо все-таки, что я не постеснялась выйти на люди в этом крошечном, да еще и золотом, платье.

Все эти бредни про лишний вес придуманы женщинами. Мужчины же реагируют исключительно на образ, а вот на наши жировые отложения им с высокой колокольни плевать.

– Скорее я могла бы вам помочь, – я улыбнулась еще более пленительно, – знаете, я ведь прекрасно разбираюсь в шоколаде.

– Не сомневаюсь. Все красивые девушки любят шоколад, – подмигнул он, – пожалуй, от помощи отказываться не буду.

Я ухмыльнулась – все шло как по маслу. И чего я расстраивалась? Вовсе я не потеряла навыков кокетства; мастерство, как говорится, не пропьешь, как ни старайся.

– А меня всегда умиляли сластены-мужчины, – призналась я, – это еще трогательнее, чем мужчины, которые любят маленьких детей.

– У вас есть дети?

– Пока нет, – я улыбалась так ангельски, что над моей головой вполне мог вырасти золотистый, в тон платью, нимб.

– Так вы можете мне выбрать шоколадки? – немного смутившись, дал задний ход он.

Ну и ничего страшного. Я никуда не тороплюсь. У нас еще наверняка будет время, чтобы обсудить не формальные вежливые темы, а что-нибудь действительно важное – отношения между мужчиной и женщиной, оправданность института семьи и брака в современном свободном мире.

Ну а пока можно светски поболтать о конфетах.

– Конечно.

– У меня вот такая проблема, – оживился он, – аллергия на все орехи. Мне нужны конфеты с начинками, но такие, чтобы в их составе орехов не было.

– Проще простого, – рассмеялась я, – берите вот эти, с марципаном.

Я наобум ткнула в один из прилавков.

– А вы уверены, что марципановая начинка орехов не содержит? – засомневался он, – из чего вообще состоит марципан?

Издевается он что ли? Нашел знатока кулинарии. Да я за всю свою жизнь ничего сложнее политых кетчупом макарон не приготовила (впрочем, для повышения самооценки я называла это блюдо «спагетти по-болонски»). Хотя нет, пару раз я всерьез собиралась затеять блины и даже смешивала тесто, полагаясь на рецепт из кулинарной книги. Уверена, что эту книжонку наваяла на досуге какая-нибудь изощренная стерва, истинной целью которой было еще больше унизить тех, которые готовить не умеют. Блины упорно прилипали к сковороде, в итоге я в сердцах выбросила и то, и другое.

– Если марципан не подходит, можно попробовать трюфель, – с легким раздражением посоветовала я.

– Да? Тогда у меня вот еще какой вопрос... А нельзя ли мне получить список красителей и вкусовых добавок, которые использованы в этих конфетах? Я слышал, что, как потребитель, имею право требовать в магазинах такие вещи.

Нет, он точно надо мной смеется. Может быть, он решил, что я юрист?

– Думаю, имеете, – вздохнула я.

– Вы мне его принесете?

– Чего? – я окончательно растерялась. То ли я сегодня не с той ноги встала и не соображаю ничего, то ли просто он странный.

– Список добавок, – в свою очередь изумился он. Как будто бы это подразумевалось само собой – попросить у незнакомой девушки какой-то мудреный список.

– Ну, так спросите продавца, – пробормотала я, думая о том, под каким предлогом от него отвязаться.

– А вы разве... – он выглядел смущенным, – я просто подумал, что...

– Что я – продавец? – дошло до меня. – Какая нелепая догадка. Разве продавцы носят такие платья?

– Продавцы нет, – покладисто согласился он, – но есть же еще... как их там... промогерл. Например, вчера, в супермаркете, меня угостила сыром девушка в тирольском национальном костюме. Это была рекламная акция. Вот я и подумал...

– Вы решили, что я тоже такая девушка, – раздраженно вздохнула я, – что ж, вы ошиблись. А вон там, за стойкой, мается продавщица. Наверняка она будет рада вам поспособствовать.

Внезапная перемена моего настроения и смутила, и напугала его.

– Да вы не обижайтесь. Но мне показалось, что вы сами выразили желание помочь. И потом, вы и правда похожи... Просто на вас такое платье, которое мало кто оденет для прогулки... Да еще вы такая пампушечка... Как раз для рекламы шоколада!

* * *

В тот момент, когда я раздумывала о том, не объесться ли до смерти шоколадом ручной работы (а что – это же замечательно красивый способ самоубийства! Правда, стоит это божественно благоухающее великолепие столько, что моя скромная зарплата может обеспечить не шоколадную смерть, а максимум диатезные прыщи), в моей сумочке запиликал мобильный. Окружающие покосились на меня неодобрительно – еще бы, мой телефончик исполняет не пошло-попсовые напевы, а похоронный марш. Не знаю, может быть, я немного не в себе, но торжественно-печальное пиликанье неизменно настраивает меня на философско-оптимистический лад. Почему-то большинство людей предпочитают прятать голову в песок, притворяясь бессмертными. О возможной кончине принято говорить трагическим полупшепотом, с печально вытянутым лицом или, наоборот, с циничной усмешкой из серии «а мне и море по колено». А вот я, размышляя о человеческой смертности, успокаиваюсь, а текущие неприятности сразу же приобретают статус не стоящих слез бытовых мелочей.

– Александра? – голос моего начальника, Степашкина, после отыгранного похоронного марша прозвучал особенно весомо. – Мне срочно нужна ваша помощь.

– Я же болею, – уныло напомнила я. – У меня температура, грипп.

– Да нет у вас никакой температуры, – раздраженно сказал он, – вы вообще должны сказать мне спасибо за то, что я сквозь пальцы смотрю на вашу безалаберность... Так вот, мне срочно нужна ваша помощь. У нас полетел Интернет.

– А при чем тут я? – удивилась я. – Я вообще технический идиот.

– Мне надо срочно проверить редакционную почту! А вы наверняка шляетесь где-то в городе. Я хочу, чтобы вы зашли в интернет-кафе и посмотрели, не пришло ли нам письмо из мэрии.

– Я дома, – осторожно сказала я на тот случай, если Степашкин таким вот дешевым способом решил учинить мне проверку.

Но он и не думал издеваться.

– Жду от вас известий, чем скорее, тем лучше. Александра, если справитесь в течение часа, дам в конце месяца отгул.

– Ну ладно... – сдалась я, – конечно, больным выходить из дома не рекомендуется... Но кажется, в моем районе есть интернет-кафе.

– Вот и замечательно, – облегченно вздохнул он, – жду!

* * *

Первым, кого я увидела в модном интернет-кафе, находящемся неподалеку от злополучного магазина, была... моя соседка Верунчик.

В криво повязанной леопардовой бандане, ненакрашенная, сия знойная особа и не думала обращать внимания на окружающих, в частности на меня. Она была целиком и полностью увлечена происходящим на мониторе ее компьютера. Ее пальцы так нервно сжимали мышку, словно это был карманный эспандер.

Сказать, что я изумилась, значит, ничего не сказать. Если честно, иногда я сомневалась в наличии у Веры аттестата о среднем образовании; соседка казалась мне дремучей и в высшей степени простой. Из сложных механизмов она освоила только кофе-машину и вибратор. Было странновато смотреть на то, как она сливается в экстазе с новейшей техникой.

Незаметно я подкралась к Верунчику и взглянула на монитор через ее мощное плечо, кокетливо обтянутое розовой блузой.

На экране была... фотография улыбающегося мужика в плавках. Рядом с изображением было написано: «Николас, 32 года, разведен. Рост – 182 см, вес – 90 кг, глаза зеленые, играет в большой теннис, коллекционирует телефонные карточки».

Я зажала ладошкой рот, из которого чуть было не вырвалось визгливое восклицание – неужели Верка пользуется услугами мальчиков по вызову?!

И в этот момент она все же обернулась – видимо, почувствовала мое напряженное дыхание на своем затылке.

– Сашка?! Что ты здесь делаешь? – она выглядела немного смущенной.

– Да вот, зашла случайно... Вер, а ты?

– А я... Да я ничего особенного... – опустила глаза она, – занимаюсь самообразованием, осваиваю Интернет.

– А это кто, виртуальный учитель, что ли? – съязвила я, переведя взгляд на тридцатидвухлетнего разведенного Николая, который все еще улыбался с монитора.

– А это... Ну...

Мне вдруг стало стыдно. Подумаешь, ну платит Верка за секс, и что такого? Почему-то никто не смеется над мужчинами, предпочитающими продажную любовь. А женщина, которой вздумалось приобрести по сходной цене порцию ласки, мгновенно воспринимается как отщепенка и неудачница.

– Да ладно тебе, Вер, я пошутила, – потрепав ее по плечу, улыбнулась я, – знаешь, а я ведь тоже много раз об этом задумывалась. По крайней мере, это было бы интересно.

– Правда? – немного воспряла духом втоптанная в грязь Верунчик, – и что же тебе мешало?

– Наверное, я не так раскованна... И потом, общественное мнение. Хотя, однажды мы заказывали на Леркин день рождения стриптизера. И заплатили ему, чтобы он станцевал медленный танец с каждой по очереди. Было весело!

Улыбка погасла на Веркином полном лице, но, увлеченная забавными воспоминаниями, я не обратила на это внимания.

– Ха, а Лерка не удержалась и во время танца хлопнула его по заднице, звонко так. На нем были трусики-стринг. И все думали, что ему понравилось, а потом он включил это в счет. Представляешь, Вер? Так и сказал – один шлепок по моей драгоценной попе стоит двенадцать условных единиц, – я расхохоталась, – умора, не десять, не пятнадцать, а именно двенадцать. Смешно, да?

Но Верунчику было явно не смешно.

– Сашка, но при чем здесь стриптизер?

Я смутилась:

– Ну, как же... Стриптизер – это тот же мальчик по вызову. Если бы кто-нибудь из нас предложил ему секс...

– Ты что, думаешь, что я пользуюсь услугами мальчиков по вызову, так что ли, балда?! – взревела Верка.

– А ты разве не...

– Если ты не знала, то напоминаю, что я красивая, самодостаточная, соблазнительная женщина в самом соку! – она кричала так громко, что все посетители интернет-кафе втянули головы в плечи, однако сделать Верунчику замечание не осмелился никто, – и я живу в Москве, а в этом городе полно секса! Мне не надо это покупать, ясно тебе, дура набитая?!

– Вера... Ты спятила? С какой стати ты на меня орешь?

– А с какой стати ты говоришь мне такие мерзости?!

Белозубый Николас все еще улыбался с экрана.

– Но я не хотела... Я просто неправильно тебя поняла... Вер, но если это не проститут, тогда кто? Племянник, с которым ты ведешь электронную переписку, что ли?

Верка поджала губы и обреченно вздохнула.

– Ладно уж, придвигай стул. Все тебе расскажу, хотя я не привыкла об этом распространяться. Учти, я это делаю только для того, чтобы снять твои подозрения.

Меня не надо было просить дважды. С детства я была любительницей интриг, и если бы Верунчику не вздумалось со мной пооткровенничать, от любопытства я не смогла бы уснуть. Усевшись на свободный стул и попросив у официанта капучино, я приготовилась выслушать ее рассказ.

– Сашка, я знакомлюсь с мужчинами по Интернету, – понизив голос, сказала Верка.

– Да ты что? – ахнула я. – Какая ты смелая! А это не опасно?

– А в чем опасность, дурочка? – снисходительно усмехнулась она. – По мне, гораздо опаснее знакомиться с ними в ночных клубах или на улице. А здесь... у тебя сразу есть его телефон, и потом, первое свидание обычно проходит в людном месте. Не могу поверить, что ты ни разу не пробовала.

– Ни разу, – призналась я, – как-то в голову не приходило.

– Есть специальные сайты знакомств, – с видом университетского лектора принялась просвещать дремучую меня Верка, – ты можешь либо сама там зарегистрироваться и разместить свои фотографии – в таком случае письма от претендентов будут приходить тебе, либо просматривать базы данных и самой писать письма понравившимся мужчинам.

– Мне всегда казалось, что на таких сайтах тусуются одни убогие, – встряла я.

– Да? – от возбуждения у Верунчика даже голос сорвался. – А ты вот на это посмотри!

Она лихорадочно пощелкала мышкой, и вместо знакомого Николаса на экране появился какой-то Макар, загорелый брюнет, неуловимо похожий на Хью Гранта. Рядом с ним было написано «менеджер в строительной компании, предпочитает блондинок».

– Этому я назначила свидание на следующий вторник, – довольно улыбнулась Верка.

– Ты же не блондинка!

– Да какая разница, – ничуть не смутилась она, – вся прелесть интернет-знакомств и состоит в том, что ты можешь написать ему что угодно. Я вот, например, отправила этому Макару фотографию Шарлиз Терон и соврала, что это я.

– Ты что, серьезно? – хохотнула я. – А ты не боишься, что он сбежит, как только увидит тебя вживую?

– Вот еще, – фыркнула Верунчик-брюнетка, у которой с Шарлиз Терон не было ровным счетом ничего общего, – там уж все будет зависеть лично от меня. От моего обаяния. Но это еще не все! Сашка, я ведь не только с русскими мужиками знакомлюсь! Вот Николас, например, из Торонто.

– Как же ты собираешься с ним встретиться? – глупо улыбнулась я.

– Проще пареной репы, – счастливо расхохоталась Верунчик, – я ведь уже два раза к иностранным женихам ездила!

– Шутишь что ли? Я даже не знала, что у тебя есть заграничный паспорт.

– Один раз – в Берлин, а другой – в Стамбул. Вот теперь собираюсь к Николасу.

– Откуда же у тебя деньги на такие путешествия? – удивилась я. Мне было прекрасно известно, что в данный момент Верка занимается беспечным прожиганием бабкиного наследства. Высшего образования у нее не было; она работала то продавщицей в ночном супермаркете, то кассиршей на автозаправке.

– А не надо никаких денег, – ее полные губы растянулись в акульей сытой улыбке, – за все платит, как говорится, принимающая сторона.

– Постой, – нахмурилась я, – если ты уже два раза ездила... И раз ты так уж мечтаешь выйти замуж за иностранца... То почему же ты до сих пор ошиваешься в московском интернет-кафе?!

– Немец мне просто не понравился, – словоохотливо объяснила знойная женщина, – то есть, сначала я подумала, что он очень даже ничего. Блондин, глаза синюшие, огромный, как викинг. Но потом он пригласил меня на ужин... Я разоделась в пух и прах. А он привел меня в столовую при каком-то университете. Говорит, здесь дешевле и вкусно.

– Не знала, что ты такая привередливая, – конечно, мне было сложно поставить себя на Веркино место. Но отчего-то мне кажется, что будь я обладающей басовитым смехом матерщинницей весом под центнер, меня нельзя было бы упрекнуть в разборчивости.

– Я вовсе не привередливая, но прижим-контора мне ни к чему, – резонно возразила невеста, – ну а в Стамбуле вообще гадко получилось.

– А что там произошло? – заинтересовалась я. – Ты попала в гарем?

– Почти. Мой так называемый жених оказался владельцем публичного дома. У них там, видите ли, большой спрос на русских. Особенно моей комплекции, – она застенчиво улыбнулась, – вот он и предложил мне подзаработать. Еле ноги унесла.

– Ну вот! А говоришь – совсем безопасно.

Верунчик порадовала меня самой оптимистичной из прописных истин:

– Кто не рискует – тот не пьет шампанского! Вот Николас мне очень нравится, очень! Я с ним уже разговаривала по телефону. Правда он по-русски не говорит, а я – по-английски. Ну и что.

– А ему ты тоже отправила фотографию Шарлиз Терон? – саркастически заметила я.

– А вот и нет! Как раз ему я отправила свою собственную фотографию. И не одну. И портрет, и в купальнике.

Хорошо, что мой капучино к тому моменту уже закончился, иначе бы часть его оказалась в моем дыхательном горле – я непременно подавилась бы от смеха. Я никогда не видела Верунчика в купальнике, но подозреваю, что в данном одеянии она сильно смахивает на пляжную свинку из мультфильма «Ну, погоди!».

– Что ржешь? – насторожилась Верунчик.

– Да так, анекдот один вспомнила. Да уж, развлекла ты меня. Никогда от тебя такого не ожидала... Верка, ты уж держи меня, пожалуйста, в курсе, интересно же!

– Да я сто раз тебе звонила и напрашивалась на чай, а ты все время занята, – плаксиво протянула она.

– Кто же знал, что тут такое творится... Ладно, я вообще-то сюда по делу зашла, – спохватилась я, – мне редакционную почту проверить надо.

– Вот что я тебе скажу, Сашка, – прищурившись, выдала Верунчик, – ты название этого сайтика запомни и когда будет время, обязательно туда загляни!

– Это еще зачем?

– Можно подумать, что тебе не нужен потрясающий мужчина! – расхохоталась она.

ГЛАВА 3

Познакомиться с мужчиной по Интернету.

Устроить себе, любимой, калейдоскоп свиданий вслепую.

Как-то это глупо, честное слово.

Тем вечером я не удержалась и позвонила на Леркин лондонский мобильный. Черт возьми, с тех пор, как моя лучшая подружка покинула Москву, на телефонные переговоры я трачу больше денег, чем на косметику. Разве это нормально?

Каждый раз говорю себе – необязательно ведь устраивать ежедневные часовые беседы с подробным обсуждением всех жизненных деталей. Лерке можно звонить только в случае крайней необходимости. Но каждый раз я ничего не могу с собою поделать. Моя рука, честное слово, сама тянется к трубке и набирает знакомый наизусть номер.

Надо сказать, что те же проблемы есть и у Лерки. Потому что она звонит мне ничуть не реже.

– Кашеварова! – радостно воскликнула она. Как будто бы мы не слышали друг друга неделю, честное слово! А ведь я ей звонила утром, чтобы проконсультироваться – идет ли мне то самое злополучное платье от «Москино».

– Лерка! Я по делу! Ты когда-нибудь по Интернету знакомилась?

– Нет, – удивленно ответила она, – а что?

– А кто-нибудь из твоих приятельниц знакомился?

– Вроде нет, – после небольшой паузы ответила Лера, – хотя, постой...

Я оживилась – сейчас, покопавшись в памяти, она все же порадует меня какой-нибудь обнадеживающей историей с хеппи-эндом.

– Постой... – напряженно вспоминала она, – кажется, пару раз я заказывала по Интернету пиццу.

– Да пошла ты! – вырвалось у меня.

– А что такого? Очень удобно, приносят в течение часа, горяченькую.

– Лерка, ты хоть понимаешь, о чем я тебе твержу?! У меня возникла мысль познакомиться по Интернету с мужчиной, а ты мне вещаешь про какую-то пиццу!

– Ты что, серьезно?

– Ну... Вообще-то, да. Ты думаешь, это опасно?

– Знаешь, что я думаю, Кашеварова? – в тяжелом Леркином вздохе мне послышались нотки безнадежной жалости. – Я думаю, что ты у нас совсем СПЯТИЛА!

И все же на следующий день, едва появившись на работе, я забралась на рекомендованный Верунчиком сайт знакомств. Глупо, конечно, но я чувствовала себя шпионом во вражеском стане. Если бы кто-нибудь из коллег заметил, как именно я провожу рабочее время, я бы умерла от стыда.

Честное слово, я вовсе не собиралась размещать на том дурацком сайте свои данные. Могу поклясться чем угодно, даже новыми сапогами «Гуччи». Зачем мне это надо? Не хотите же вы сказать, что я и в самом деле верила в то, что затея эта осуществима? Нет, я была движима исключительно журналистским любопытством. Можете мне поверить.

Анкету я начала заполнять машинально, развлечения ради. Там были такие интересные вопросы, – какой актер олицетворяет ваши представления о мужской красоте (я написала, что Энди Гарсия)? Чем бы вы предпочли заняться в скучный зимний вечер (я хотела, было написать про шопинг, но в последний момент одумалась и написала – «любовью»)? Какое ваше любимое блюдо (вообще-то я не гурман, и любым гастрономическим изыскам предпочитаю банальную пиццу или спагетти в сливочном соусе, но всем ведь понятно, что в подоб-

ных анкетах, как и в резюме, принято немного приукрашать действительность; поэтому моим ответом был – «фуа гра» и ананасы со сливками)?

Так, рост, вес, цвет волос и глаз – с этим все более-менее понятно. Про рост и цвет глаз можно не врать, размер же лучше вероломно преуменьшить. Написав, что у меня сорок второй с половиной, я не чувствовала себя ни капельки преступницей, ведь все вокруг твердят, что выгляжу я худышкой, в то время как... ох, в то время как позавчера на мне едва сошлись джинсы сорок шестого размера.

Заполнив все необходимые пробелы, я удовлетворенно нажала на «Отправить» и только потом до меня дошло, что же я натворила.

Мамочки мои, я же только что разместила свое объявление на сайте знакомств! И теперь все, ВСЕ будут знать о том, что я, Александра Кашеварова, заместитель главного редактора газеты «Новости Москвы», дошла до отчаяния в своем одиночестве!

В панике я вернулась к своей анкете. Хорошо хотя бы, что под рукой не оказалось фотографии, а то у меня ума бы хватило украсить убогое воззвание к одиноким мужикам изображением собственной соблазнительно улыбающейся мордашки.

Пробежав взглядом по строчкам, я немного успокоилась. В самом деле, все не так уж плохо. В анкете нет моей фамилии и не написано, где я работаю, так что даже если кто-то из моих знакомых по чистой случайности и наткнется на сей литературный шедевр (что, впрочем, маловероятно; я даже не могу представить, кому может прийти в голову залезть на этот идиотский сайт), он ни за что не поймет, что «стройная нежная брюнетка», анкета которой размещена под сомнительным номером «1013», – это я.

В дверь моего кабинета забарабанили. Я быстренько свернула порочащие мою и так уже весьма потасканную репутацию странички и степенно велела:

– Войдите!

В кабинет ворвалась секретарша Степашкина, Диночка – длинноногая, двадцатилетняя, великолепная.

– Сашка! Ты что, знакомишься с мужчинами по Интернету?! – вместо приветствия воскликнула она. Глаза ее горели страстной жадой сплетни.

Я похолодела.

– Откуда ты знаешь? – Это ужасно. Если мой секрет известен редакционной «сороке» Диночке, то через четверть часа в офисе не останется непосвященных. – То есть, я хотела сказать – как такая глупость вообще могла прийти в твою голову?!

– Значит, это все-таки ты, – удовлетворенно улыбнулась Дина, – я сразу, сразу догадалась.

– Но почему? – прошептала я, – там же нет моего имени...

– Ну, во-первых, там говорится о твоей любимой пиццерии, – хитро улыбнулась она, – во-вторых, про твой любимый обувной магазин. А в-третьих, – в этом моменте она, не выдержав, расхохоталась. Я мрачно наблюдала за тем, как редакционная сплетница и стерва торопливо наливает минеральную воду в стоявший на краешке стола мой любимый стакан, чтобы унять неуместный хохот, – а в-третьих, там же есть твой электронный адрес!

Я молчала как громом пораженная. Как же я могла так сглупить?! Надо было завести секретный почтовый ящик, специально для этой сомнительной забавы. А теперь я стану посмешищем для всей редакции. Ведь наверняка кроме меня никто и никогда не додумался бы... хотя... постойте-ка...

Я подозрительно взглянула на Диночку, лицо которой порозовело от смеха.

– Послушай, а ты-то что делала на этом сайте?

Ее хорошенькое умело подкрашенное лицо изменилось, Диночка совершенно не умела прятать одолевающие ее эмоции в мрачные глубины своего организма. Правда, ей довольно быстро удалось взять себя в руки.

– Я? – ее взгляд заметался по комнате, точно испуганная курица, пока не уткнулся в небольшой тамтам из кожи зебры, который валялся у меня на шкафу.

Барабанчик этот когда-то подарил мне один из бывших бойфрендов. Я не могла понять, что с ним делать. Пробовала даже использовать музыкальный инструмент по назначению, но в мое барабанное соло почему-то все время так и норовили вмешаться завистники-соседи. Стоило мне приступить к музыкальным экзерсисам, как кто-нибудь из них остервенело молотил чем попало по батарее. Вот и пришлось отнести ненужную вещь на работу и записать ее на шкаф.

– Ой, а это что? – дружелюбно поинтересовалась Диночка в наивном желании увести разговор подальше от опасной темы.

Но меня не проведешь на мякине.

– Это барабан, – с мягкой улыбкой пояснила я, – так я не поняла, Дин, что ты делала на сайте знакомств?

Несколько минут она тупо изучала изношенный линолеум, но потом все же сумела взять себя в руки и горделиво распрямила спину:

– Ну и что? Да, я тоже иногда знакомлюсь с мужчинами по Интернету. И что в этом такого?

– Да ничего, – пожала плечами я, – я вот тоже хотела попробовать, но не знала, с какого краю подступиться.

– Я тебе все объясню, – оживилась она, склоняясь над моим монитором, – вот здесь, видишь? – здесь находятся анкеты мужчин. Сначала ты рассматриваешь их фотографии. Ну а если кто-то из них тебе приглянется, то можно прочитать о нем более подробную информацию. И написать ему письмо... Правда тебе, Саша, никто не напишет.

– Это еще почему? – ошетижилась я, приготовившись услышать ответ в Диночкином стиле. Мол, потому что я толстая, старая, потому что в Интернете огромная женская конкуренция и так далее.

Но неожиданно она вполне миролюбиво улыбнулась:

– Да потому что в твоей анкете нет фотографии. Понимаешь, мужчины любят глазами.

– Только вот не надо меня поучать, – поморщилась я, – ты еще пешком под стол ходила, когда мужчины уже меня глазами любили.

– Да что ты так злишься? Я всего лишь тебе советую – прикрепи к своей анкете фотографию.

– Знаешь, а мне вовсе не хочется, чтобы мне писали мужчины, – подумав, решила я, – лучше я сама буду просматривать чужие анкеты и писать тем, кто мне понравился. Диночка... А тебе когда-нибудь удавалось познакомиться таким образом с кем-нибудь стоящим?

– О, и не один раз, – оживилась она, – а моя подружка вообще по Интернету замуж вышла. Да что там подружка – я и сама встречаюсь с мужчиной, которого нашла в сети. Он – профессиональный волейболист! К тому же два раза был на обложке журналов о фитнесе.

Я вздохнула – бывают же на свете чудеса.

И как же мне хотелось в одно из чудес этих слепо поверить.

* * *

Стоило Диночке покинуть мой кабинет, как я закрыла поплотнее дверь и вернулась к компьютеру. Правда, надо мной висела недоделанная срочная работа – я должна была написать рецензию на новый роман модного беллетриста – но я оптимистично решила, что работа не волк и доделать ее можно в любое время, в том числе и вечернее. Ничего страшного, задержусь в офисе подольше, и все успею.

Ну а сейчас – объявляется час смотрин!

Итак, для начала необходимо задать необходимые параметры потенциального жениха, чтобы хоть немножечко сузить круг.

Возраст: от 30 до 45 лет. Хотя, иногда двадцатипятилетние мальчики бывают вполне вменяемыми и взрослыми. А одна моя близкая приятельница, Жанна, полтора года встречалась с типом шестидесяти с лишним годов от роду, и выглядел он вполне респектабельно – телосложение имел сухощавое, зубы – ровные и белые, волосы – густые, а смех – молодой и раскатистый. От такого старичка и я бы, пожалуй, не отказалась. Так что напишу лучше: от 25 до 55 лет.

Рост: высокий. Телосложение: спортивное. Особей мужского пола, которые выглядят так, словно с минуты на минуту у них отойдут воды, мне не надо. Место жительства: Москва и область.

Ну все, поехали!

На моем экране появились окошечки с фотографиями мужчин, подходящих под заданные параметры. С некоторой брезгливостью я отметила, что две трети из виртуальных искателей романтики – глубокие старцы со всей прилагающейся к почтенному возрасту атрибутикой: трогательно розовыми лысынами, пигментными пятнами на руках и глубоко въевшимися в физиономию морщинами. Эх, наверное, надо было все-таки поставить ограничитель «до пятидесяти».

Но среди удручающе стариковского контингента попадались и редкие залетные птицы – вполне пристойного вида кандидаты, едва разменявшие четвертый десяток лет.

Бегло просматривая их анкетные данные, я дивилась – ну почему все они были вынуждены обратиться к виртуальным незнакомкам, неужели вокруг них мало живых женщин? Странно, мне-то всегда казалось, что мир полон красивых порядочных женщин, зато с различными мужиками полная напряженка.

За моей спиной кто-то интеллигентно кашлянул – наверное, любопытная Диночка вернулась, чтобы посмотреть, кого я себе навывбирала.

Не глядя на нее, я махнула рукой – мол, потом, все потом. И обернулась только тогда, когда возмущенный голос Макисма Леонидовича Степашкина прямо над моим ухом произнес:

– Александра, я столько лет терпел ваши странности. Но в этот раз вы перегибаете палку.

В ужасе я попыталась оперативно свернуть фотографию обнаженного соискателя. Как назло, именно в этот момент мой старенький компьютер завис – окно с компрометирующим снимком никак не хотело закрываться.

– На вашем месте я бы так не пыхтел, – отчеканил главный редактор, – все равно я уже все видел. И что это означает?

Если бы у меня был хвост, то я бы принялась размахисто им повиливать. Ну а поскольку хвоста у меня нет, пришлось просто обернуться к Степашкину на крутящемся офисном кресле и украсить физиономию одной из самых загадочных и добродушных улыбок, имеющихся в моем ассортименте.

– Это совсем не то, что вы подумали, – заюлила я, – понимаю, что это с первого взгляда выглядит странно, но на самом деле это всего лишь...

– Это всего лишь порнография, – Степашкин мрачно уставился на украшавшую мой монитор обнаженную натуру, – всего лишь отвратительная порнография. Которой вы развлекаетесь вместо того, чтобы писать статью.

– Ну во-первых, не такая уж она и отвратительная, – интеллигентно возразила я, – а во-вторых, известна ли вам разница между порнушкой и мягкой эротикой?

Лицо Максима Леонидовича наливалось румянцем, словно августовское яблочко на солнцепеке.

– Я знаю разницу между бездельем и работой! – рявкнул он. – А теперь обсудим штрафные санкции.

Что он мелет?! За что он собирается меня наказывать – ну, подумаешь, потратила полчаса рабочего времени на благоустройство личной жизни. Да ему же лучше будет, этому непонятливому пентюху, если у меня личная жизнь наладится. Я стану более спокойной, уравновешенной, серьезной – и значит, буду ответственной относиться и к работе тоже!

И потом, у нас весь офис озабочен проблемой поиска новых творческих способов отлынивания от работы. Кто-то целыми днями режется в виртуальные шахматы. Весь спортивный отдел хлебом не корми – дай только заказать по телефону пиццу размером с колесо грузового автомобиля, а плотом пожирать ее за просмотром футбольного матча. Причем эти хитрецы смотрят телевизор без звука, чтобы не навлечь на свои головы страшный начальственный гнев. Диночка, не вставая с рабочего кресла, умудряется сделать себе не только маникюр, но и – это чистая правда! – педикюр! Ее рабочее место устроено хитро – и посетителям, и шефу видно только верхнюю половину ее туловища. Ноги же ее надежно спрятаны под столом, так что она имеет возможность распарить их в тазике с мыльной водой, а потом украдкой поскрести пемзой пятки.

А девчонки из бухгалтерии завели морскую свинку. Она живет на подоконнике их кабинета, в просторной клетке. К свинке они относятся, как к общему ребенку. То вынимают ее из клетки и, повизгивая от умиления, тормозят, то таскают к ветеринару, то вяжут для нее какие-то курточки, наряжают и фотографируют.

Так что по сравнению с другими я просто ангел.

И за это он собирается меня оштрафовать?!

– Я как раз сейчас шел в бухгалтерию. Чтобы дать распоряжение насчет премий. И вы, Александра, были в моем списке, – улыбнулся садист, – но, по всей видимости, будет лучше, если я вычеркну вашу фамилию. Может быть, это чему-то вас научит.

– Но вы не можете так поступить!

Черт.

Что же делать?

Я в долгах как в шелках. В прошлом месяце пришлось, к своему стыду, занимать у родителей. И Лерке двести долларов уже сто лет должна. А Наташке из бухгалтерии – сто. И с каждым днем ее взгляд становится все более и более вопросительным. Я так рассчитывала на эту премию.

Я не должна ее упустить.

Надо срочно, срочно придумать какое-нибудь убедительное оправдание.

Может, сказать, что эта фотография из резюме какого-нибудь журналиста? Да нет, это какая-то натянутая версия. С чего это журналистам высылать мне свои фотки в стиле ню?!

Соображай, Кашеварова, соображай. Ведь он уже уходит.

Какой аргумент понравился бы Степашкину? Он у нас повернут на работе, а значит, я могу сказать, что...

– Да вы не понимаете! Это мне нужно... для работы! – выкрикнула я.

Максим Леонидович, уже схватившийся за дверную ручку, обернулся.

– Да что вы говорите? – издевательски усмехнулся он. – Для какой же, позвольте поинтересоваться?

– Я собираюсь... написать цикл статей, – придумала я.

– На какую тему? Учтите, что нашу газету читают и дети.

– Это же сайт знакомств, смотрите, – откашлявшись, я смело развернула монитор в его сторону, – я буду писать о людях, которые знакомятся друг с другом по Интернету. А сейчас я просто выбираю будущих героев для своих статей.

– О знакомствах по Интернету? – задумчиво нахмурился он. – Вообще-то мы об этом еще не писали...

– Ну вот видите! – обрадовалась я. – Знаю, что не писали, поэтому и решила предложить такую тему. Вы же всегда говорили, что я должна быть более инициативной.

Он испытующе взглянул на меня. Я же напряженно ждала его вердикта. Спасена или не спасена? И наконец Степашкин – о чудо! – протянул.

– Вообще-то, мысль и правда неплохая. Хотя я чувствую, что здесь что-то не так.

Я невинно захлопала ресницами – мол, о чем это вы? Моя совесть чиста перед народом.

– Это замечательный проект. И он наверняка поднимет нам рейтинги, – оживилась я, – я буду встречаться с разными мужчинами, с самыми разными – от олигархов до бедных студентов. И честно рассказывать о своих свиданиях в статьях!

Я сама все больше верила в то, что говорю. Внезапно мне показалось, что это и правда замечательная идея – оживить нашу замшелую газету такой вот рубрикой.

Свою пламенную речь я закончила скромно:

– Мне кажется, что за свежий креативный взгляд мне полагается повышение оклада и небольшая премия. Помимо той, которую я должна получить официально, разумеется.

– Об этом и думать забудьте, – безо всяких эмоций охладил мой пыл Степашкин, – вы же даже еще ничего не написали. Ладно, я даю свое согласие, работайте над рубрикой. Только вот не уверен, что из этого и правда что-нибудь путное получится.

– А почему нет? – удивилась я. В моей голове все выглядело так логично и просто.

Улыбка моего начальника имела повышенную степень змеиности. В его голосе появились вкрадчивые нотки – так бывает всегда, когда он собирается сказать что-то нелицеприятное.

И мои ожидания были на сто процентов оправданы.

– Ну как же. Вот вы сказали, что собираетесь встречаться и с успешными красавцами, и с жалкими жиголом, так?

– Так, – осторожно подтвердила я, все еще не понимая, куда он клонит, – схема простая. Я выбираю подходящего мужчину, пишу ему письмо, высылаю свою фотографию. Мы договариваемся о встрече...

– Вот в этом-то и загвоздка, – щелкнул пальцами Максим Леонидович, – ну, насчет жалкого жиголом все понятно. Но с чего вы решили, что с вами согласится встретиться успешный красавец?

– В каком смысле? – тупо переспросила я.

– В прямом, – безжалостно отвечал Степашкин, – или вы собираетесь отправить ему изображение Клаудии Шиффер вместо своего?

Я даже не знала, что на такое ответить. Просто, выпучив глаза, открывала и закрывала рот, как аквариумная рыбка, которую накормили слабительным.

Сотни неприятных вопросов, точно рой потревоженных навозных мух, поднялись из самых темных глубин моего сознания и дружным роем зазвенели перед моим лицом. Сотни вопросов – от феминистски-агрессивного: «Да как он посмел мне такое сказать?!» до неуверенного: «А вдруг он прав, и я в самом деле больше ни на что не гожусь?»

Дыхание мое участилось, по щекам покатились злые слезы.

Наверное, дело тут было даже не в Степашкине и его закоренелой ко мне ненависти. Нет, просто все переживания последних дней – и провалившийся проект с татуировкой, и возникшее вдруг сомнение в собственной женской состоятельности, и неудачный поход в шоколадную лавку – все это вдруг выплеснулось наружу мощнейшей истерикой.

По природе своей я натура эмоциональная, однако на посторонних стараюсь произвести впечатление воплощения сдержанности и здравого рассудка. Особенно это касается коллег – они ни в коем случае не должны знать о том, какие внутри меня порой бушуют фейерверки. Поэтому по офису я стараюсь передвигаться степенно и плавно, говорю медленно и веско, перед начальством не пресмыкаюсь, но и опуститься до бытового разудалого хамства себе не позволяю.

Ничего не скажешь, такое со мной случилось впервые.

Не обращая внимания на то, что изумленный Максим Леонидович Степашкин все еще зачем-то пасется в моем кабинете, я истерично сбрасывала со стола все находившиеся на оном предметы. На грязноватый пол полетели распечатки, верстки, свежие и старые газетные номера, дискеты, а также стакан, кактус в горшке и телефонный аппарат.

– Надоело! Как же мне все надоело! – сдавленно кричала я.

Вы никогда не замечали, что обычная истерика отнимает больше сил, чем два часа степ-аэробики в гимнастическом зале? Не прошло и десяти минут, как я почувствовала себя полностью опустошенной. Энергии хватило лишь на то, чтобы бессильно пасть на стул, уронить на стол голову и заплакать, отчаянно и беззвучно. Горячая кровь пульсировала в висках, лицо было воспаленно красным и мокрым; я рыдала так горько, словно только что обнаружила, что не могу втиснуться и в сорок восьмой размер.

– Александра... Что с вами происходит? – ошеломленно проговорил Степашкин, у которого не хватило ума оставить меня наедине с моими реальными и надуманными бедами.

– А вы не догадываетесь? – я повернула к нему воспаленное от слез лицо. – Представляю, как вам сейчас весело! Довели-таки меня до слез! Поздравляю!

– Но я вовсе не хотел...

– Ага, как же! Наверное, это был комплимент, просто я не заметила. Знаете что, лучше вам все-таки убраться наконец из моего кабинета! А то я за себя не ручаюсь!

* * *

В тот день я с чистой совестью позволила себе уйти с работы на несколько часов раньше. К удивлению прочих сотрудников, Степашкин даже не попытался оказать сопротивления, в последний момент завалив меня якобы срочной работой. И премии меня тоже никто не лишил.

То есть, жизнь вроде бы наладилась, но настроение мое все равно было препаршивым.

Пришлось по дороге домой заскочить в супермаркет за своим любимым черносмординовым ликером. И это несмотря на то, что я сто раз давала себе обещание не глушить тоску алкоголем – поскольку девушка я депрессивная, то так и спиться недолго.

От половины бутылки ликера и десяти шариков ванильного мороженого настроение мое немного улучшилось. Не то чтобы я совсем перестала обижаться на бестактность Максима Леонидовича. Нет, проблема была очевидна – кризис тридцатилетия, неуверенность в себе, полное отсутствие, во-первых, личной жизни, а во-вторых, лучшей подруги, которой можно было бы на это самое отсутствие посетовать.

Однако, смакуя густую алкогольную сладость, я пришла к выводу, что есть в случившемся и очевидный положительный момент. Ведь теперь у меня есть своя рубрика! Мало того, что меня не лишили висевшей на волоске премии, благодаря которой я наконец расчитываюсь с половиной накопившихся долгов. Так мне еще и возможность подработать дали.

К тому же, возможность такую приятную. Это вам не тексты править и не брать интервью у какого-нибудь лже-гения, который считает себя пупом Вселенной. Вот в чем будет заключаться моя новая работа: назначать свидания мужчинам, кокетничать с ними, а потом

честно описывать свои впечатления на радость привередливой московской публике, очень, как известно, охочей до такого рода изюминок.

Конечно, я пообещала Степашкину встречаться с разными типажам героев. Но, думаю, что отбросов общества можно оставить и на потом. А для начала займусь теми, кто мог бы поспособствовать не только упрочению моего положения в редакции, но и стать составляющей моей запущенной личной жизни.

Я достала из сумочки распечатанные фотографии и анкеты избранных претендентов и приготовилась выбрать самых достойных.

* * *

Итак, у меня свидание по Интернету.

Мне и раньше приходилось участвовать в комических пантомимах под названием «свидание вслепую», так что ничего хорошего я и не ожидала. Несколько встреч устроила для меня моя же собственная мать – и не знай я, что она искренне желает мне матримониального счастья, я бы заподозрила ее во враждебном по отношению к собственному ребенку настрое.

Сами посудите – однажды она попыталась подсунуть мне семидесятипятилетнего военного в отставке. Добродушный дедуля подарил мне гвоздики и пригласил в ресторан, а поскольку мне с детства внушали, что старших надо почитать, отказаться я не смогла. Правда, когда старикинская, в рыжих пигментных пятнах, рука принялась под столом ощупывать мое колено, робко поднимаясь все выше, я не выдержала и треснула его суповой ложкой по замаскированной сальными седыми прядями лысине. Военный жутко обиделся и сказал, что девушки моего поколения все как одна оторвы. Я не спорила; на том наше общение и закончилось. А наивная мама до сих пор жалеет, что я упустила шанс стать генеральской женой.

В другой раз она попыталась свести меня с ничемным сильно пьющим сыном своей подруги, от которого я сбежала, когда он отправился в туалет, оставив его наедине с ресторанным счетом.

Иногда неугомонные свахи просыпались и в моих подругах. Даже такая адекватная девушка, как Лерка, в делах устройства чужой личной жизни была полным профаном. Никогда не забуду, как пару лет назад она торжественно мне объявила:

– Кашеварова, у меня есть для тебя сюрприз!

– Ты купила платье, а оно тебе мало? – наивно возрадовалась я. Лерка тогда габаритами слегка меня превосходила, но отказывалась в это верить, поэтому с упорством умалишенной покупала одежду моего, сорок четвертого с половиной, размера. В итоге львиная доля ее обновок оседала в моем стенном шкафу.

– Копай глубже. Это кое-что получше, чем платье.

– Блузка? – засомневалась я. – Джинсы?

– Мужчина, дурочка! – рассмеялась Лера, – я нашла для тебя мужчину.

Я сразу же заподозрила неладное, но виду не подавала, чтобы не оскорбить ее лучшие дружеские чувства. И вместо того чтобы сразу посмеяться над нелепым предложением лучшей подруги, я настороженно уточнила:

– Что это значит – «нашла тебе мужчину»?

– То и значит, – радостно объяснила Лерка, – я познакомилась с ним вчера, на концерте.

Мне показалось, что он тебе понравится. А ты – ему.

Мой вопрос был вполне логичным:

– Но почему он не понравился тебе? Что в нем не так?

– Все в нем так, – немного оскорбилась Лерка, – интеллигентный красивый мужик, обаятельный.

– Вот уж ни за что не поверю, что ты пропустила мимо себя интеллигентного красивого мужика, – пробормотала я, – если ты его приберегла для меня, значит, есть в нем что-то отталкивающее.

– Кашеварова, а тебе не приходит в голову, что я просто о тебе забочусь? – взвилась Лерка. – Что мне просто хочется, чтобы у тебя все наладилось?! Если не хочешь, можешь с ним не встречаться! Хотя я уже дала ему твой телефон. Но на твоём месте я была бы благодарна, что я жертвую тебе такой экземпляр!

Мне стало стыдно. А что если она права? А я, старая дура, смешна и нелепа в свои годы наработанной подозрительности?

Поэтому я перед Леркой извинилась, а когда вышеописанный «экземпляр» мне позвонил, оживленно согласилась встретиться в холле кинотеатра. Когда я шла на то свидание, настроение мое было приподнятым, я беззвучно мурлыкала песенку Синатры «Незнакомцы в ночи» и была настроена на приятный романтический вечер. Как же это мило-старомодно, встречаться в кино! Во время сеанса мы будем держаться за руки и есть из одного огромного бумажного ведерка попкорн. Ну а когда главный герой фильма наконец сольется в экстазе с главной героиней, мы красноречиво, хотя и немного робко, посмотрим друг на друга, губы наши сблизятся... Ну а дальше все и так понятно.

Моим радужным мечтам не суждено было осуществиться.

Хотя тип, которого сосватала мне Лерка, оказался обладателем весьма впечатляющего экстерьера – что-то среднее между Брэдом Питтом и одним красавцем-подлецом, с которым у меня был роман тысячу лет назад. Когда я его увидела, сердце мое подпрыгнуло и затрепыхалось; я подумала – какая же Лерка молодец, век мне ее не отблагодарить за такое.

Но стоило ПП (прекрасному принцу) открыть рот, как волшебная сказка распалась на острые осколки, как неловко разбитая хрустальная туфелька московской Золушки, лучшие годы которой, кажется, остались позади. Речь его можно было сравнить с автоматными стрельбищами – он говорил много, быстро и резко. Я не была знакома с ним и пяти минут, но уже успела узнать, что он ненавидит Голливуд, суши, отечественные автомобили, кошек, домашние аквариумы, девушек, которые разводят мужчин на деньги, девушек, которые прутся от собственной красоты, девушек, которые хотят быть домохозяйками-клушами, девушек, которые объявляют себя феминистками и делают карьеру, девушек, которые... Короче, он оказался самым настоящим женоненавистником! Надо ли упоминать, что сопливые мелодрамы и милые комедии он тоже факультативно ненавидел, поэтому и взял билеты на какие-то космические кинобаталии. Про попкорн я даже заикаться не осмелилась, потому что мне показалось, что он посматривает в сторону бара как-то недобро.

И вот два с лишним часа мне пришлось спать под надрывный ор какого-то не то Смита не то Роджерса, который с детства мечтал спасти планету от космических яиц. После киносеанса очаровашка спутник немного подобрел (наверное, на него так благостно подействовал вид сине-зеленых кишок, вывалившихся из живота какого-то несчастного инопланетянина) и пригласил меня продолжить вечер в баре. Пожалуй, с излишней горячностью я воскликнула: «У меня дела!» и со скоростью мучимого поносом в острой стадии человека умчалась за линию горизонта.

Так что у меня были весомые поводы относиться к свиданиям вслепую подозрительно. Тем не менее это не помешало мне пятничным вечером нарядиться в маково-красное платье и красные же сапоги и отправиться навстречу светлому будущему. А если конкретнее, то к некоему брютету ростом метр восемьдесят семь по имени Виталий, анкету которого я отметила для себя тремя восклицательными знаками. Судя по фотографии, размещенной на сайте, он был приятным (даже красивым), улыбчивым, стильным (серый костюм от «Хуго Босс», классические ботинки) – видимо, он был честным офисным трудягой, у которого про-

сто времени не оставалось на личную жизнь, вот и пришлось ему обратиться к глобальной сети в поисках чистой искренней любви.

Прямо как и мне.

И пусть эта затея и до сих пор кажется мне обреченной на провал, но я точно знаю, что иногда чудеса все-таки случаются.

Даже со мной.

ГЛАВА 4

Чудеса начались с того, что Виталий оказался не высоким брюнетом с пышной шевелюрой, как обещало его фотоизображение, а тощеньким блондинчиком с залысинами, который едва доставал мне до плеча.

Мы договорились встретиться в довольно людном месте, у памятника Пушкину. Я бы ни за что его не узнала. Я стояла и оглядывалась по сторонам, высматривая брюнетистого красавца с фотографии. И вдруг подходит ко мне это чучело, скупно улыбается и довольно писклявым голосом вопрошает:

– Вы Саша? А я вас сразу узнал.

Я надменно осмотрела его сверху вниз – от розовой лысинки, просвечивающий сквозь редкую растительность до нечищенных ботинок. Сначала я даже не поняла, что радостно приветствовавший меня заморыш и есть тот самый Виталий, ради которого я надела любимое леопардовое пальто.

– Простите, мы знакомы?

– Можно сказать и так, – осклабился он, – вы для меня уже как родная. Хотя, лучше будем на «ты». Что-то подсказывает, что наша встреча может перерасти во что-то большее.

– Так вы... – я охрипла, не то от возмущения, не то от переизбытка чувств – и надо заметить, не самых приятных.

– Виталий, – услужливо подсказал он, – ваш поклонник из Интернета. Ну что, куда отправимся? В кафе?

– Но...

– Понимаю, что вы хотите сказать, – его улыбке мог бы позавидовать сам чеширский кот, – да, я прислал вам не свою фотографию. Но знаете ли, вы, женщины, так падки на внешность. А я не очень-то хорош собой, зато чертовски обаятелен.

Я нервно сглотнула. Мне вспомнилась Верунчик, которая отправляла потенциальным женихам фотографию Шарлиз Терон, выдавая внешность красотки кинозвезды за собственную. Поступок легкомысленный, намекающий на нешуточную самоуверенность и такой... женский. Вот уж никогда бы не подумала, что мужчины пользуются теми же дешевыми уловками, что и моя несносная соседка по лестничной клетке.

Что же касается этого Виталия... Вот уж не знаю, как у него обстоят дела с чертовским обаянием, я же пока заметила только чертовскую неряшливость. На нем была выдавшая виды куртка, которую, похоже, ни разу не носили в химчистку. Из-под нее выглядывал лжешерстяной джемпер рыночного формата, весь в отвратительных затяжках, а из-под джемпера в свою очередь – рубашка с истрепанным и несвежим воротником фасона «ослиные уши».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.